

Александр Бушков

У них почти
ничего не было.
Бутылка вина на
троих. Но любви –
в избытке...

Темнота в солнечный день

Александр Александрович Бушков

Темнота в солнечный день

Серия «Бушков. Незатейливая история любви»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51811066

Темнота в солнечный день / Александр Бушков: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-109794-3

Аннотация

Эта история произошла в те далекие романтические, вызывающие грусть и ностальгию 70-е годы.

Дружили три товарища: Костя, Митя и Коля. Работали разносчиками телеграмм на почте, гоняли на мотоциклах. Выпивали, дрались, впутывались в нехорошие дела, убегали от милиции и, конечно, влюблялись.

В этот день Мите Нестерову повезло: ему выпало доставить телеграмму очень красивой зеленоглазой девушке Марине. Она пригласила его в комнату пить чай. Оказывается, они когда-то оба жили в одном городе. У Марины скоро новоселье. У нее большая библиотека, которую девушка мечтает прочитать. И всё у нее прекрасно в этой жизни. Кроме одного: она совершенно слепая, и жизнь ее проходит во тьме. Ей предстоит операция, и есть шанс, что зрение вернется. И тогда Марина сможет увидеть Митю...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	59
Джульетта и Дея	85
Глава третья	121
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Александр Бушков

Темнота в солнечный день

Никогда никому не говори, что в молодые годы ты был глуп и смешон. Ты говори: был легковверен, был искренен, был свободен, был добр, был на первом дыхании.

В. Маканин. «На первом дыхании»

Глава первая

Флейты голос нежный

Если углубиться в историческо-ботанические дебри, об-ластной город Аюкан на деревья был небогат.

Еще лет пятьдесят назад тут была голая степь со скудной травой, так что овец здесь особенно не пасли, а потому и никакого коловращения жизни не наблюдалось. Старинные тропы торговых караванов, куда ни глянь, проходили далеко в стороне. После революции стало гораздо оживленнее: сначала по этим местам гонялись за красными партизанами колчаковские казаки, потом за белыми партизанами будущий детский классик Аркадий Гайдар, а с ним красные кавалеристы, но не те, про которых былилиники речистые вели рас-каз. Война с партизанами в степи – дело скучное и неро-мантическое, а потому гайдаровцев былилиники речистые вни-манием обошли. Равно как и историки с краеведами и даже писатели, хотя пашенка вроде бы была хлебная, о гораздо более скучных делах Гражданской иные ловкачи ухитрились нечто наваять, иногда толстое и даже получавшее разные со-ветские премии за идейную выдержанность. Ходили, прав-да, темные слухи, что к полусотенной годовщине Великой Октябрьской шустрые пионеры отыскивали вполне себе бодро-го ветерана Гражданской, не достигшего еще и семидесяти,

и сдали его классику аюканской литературы Пильчичакову. Тот, не будь дурак, нацелился было к помянутой годовщине создать нечто эпохальное (когда это к годовщинам за эпохальное не давали премии?), взял бутылку хорошей водочки и поехал к деду на казенной «волжанке». Сели, выпили. Улучив подходящий момент, классик Пильчичаков задушевно спросил:

– Ну, расскажи, дедушка, как ты с красными воевал?

Дедушка бесхитростно и ответил:

– Дык как? А просто. Залегли это мы в распадочке, а тут оне в верхами, человек шесть. Ну, атаман скомандовал: «Пли!» Все краснюки у нас с коней мигом и кувыркнулись. Там с имя девка была в красном платочке, в кожане. Ну, мы ж не звери в девку-то стрелять, мы под ней коня хлопнули, а саму живьем взяли. Ладная была... – И крепкий дедушка ухмыльнулся очень мечтательно, как бывает с людьми, вспоминая что-то приятное.

Классик Пильчичаков срочно ретировался, оставив недопитую водку. Поскольку с тех удалых времен прошло чуть ли не полсотни лет, дедушке ничего не сделали, разве что не дали юбилейную медальку, а ведь совсем было собирались, трудовая биография-то у него была длинная и внушительная. А впрочем, все это темные слухи, которые партийные товарищи указали считать одной из уток радиостанции «Свобода». Кто бы с ними спорил? Им всегда с горы виднее.

В общем, полсотни лет назад всё изменилось самым ре-

шительным образом, когда раскрепощенным революцией народам и народностям в компенсацию за угнетение от царизма стали раздавать кому автономные области, кому даже автономные республики. Обитавшие в здешних местах сагайцы по малочисленности на республику не потянули и удостоились лишь автономной области (правда, и в ней составили лишь процентов десять населения, но это были уже аполитичные детали, широко не оглашавшиеся).

Всякая приличная область, автономная она или нет, обязана, соответственно, иметь областной центр. Самое подходящее место отыскалось лишь в Аюканской степи, где столицу одним махом и возвели. Получилось не так уж плохо, благо в ходе строительства в моду вошли архитектурные излишества. И деревьев за эти полвека насадили некоторое количество. Не особенно много, но все-таки, так что на степь это уже никак не походило.

С течением времени парков в стотысячном городе образовалось целых два. Один – официальный, с капитальной оградой, танцплощадкой, тиром, летним кинотеатром, качелями-каруселями, ларьками, директором и штатом работников. Была еще городошная площадка, но к семидесятым годам городки как-то незаметно, плавненько вышли из моды, и там поставили столбы под навесами для шахматистов, доминошников и любителей шашек. Получилось очень удобное местечко для любителей приносить с собой и распивать, но вот таких старательно гонял патрульный милиционер. Ибо

здесь в некотором смысле очаг культуры, и нефиг.

Имелся и второй парк, неофициальный, натурально дикий. Располагался он, так уж случилось, всего-то в паре минут неспешной ходьбы от центра города, по недлинному кварталу то ли из семи, то ли из восьми пятиэтажек хрущевской постройки.

(Центром города, как полагается, считался обком партии, солидное здание с вымощенной красивой плиткой площадью перед ним. Посреди оной сидел высоченный мраморный Ленин (копия кремлевского памятника), с неотрывным отеческим прищуром взиравший на обком. По поводу этого монумента давно втихомолку гулял анекдот. Шли однажды ночью пьяные работяги и спросили: «Ильич, а что это ты задом к народу повернулся?» Ильич охотно ответил: «В народе-то я уверен, а вот с этих, в обкоме, глаз спускать нельзя...» Гуляли еще слухи, что пару лет назад кто-то ночью написал у Ленина на спине красной краской: «Ильич, проснись!» Но если такое однажды ночью и случилось, утром от надписи не осталось и малейшего следа.)

Дикий парк состоял из двух прямоугольников длиной метров по пятьсот и шириной этак в двести, окруженных и разделенных по торцам асфальтированными двухрядками. По аюканским меркам тамошний лесочек был самой натуральной чащобой – одна погуще, вторая гораздо реже. Откуда чащоба взялась, толком неизвестно. То ли ее еще до войны на очередном субботнике утыкали молодыми саженцами

комсомольцы-беспокойные-сердца, то ли, что вероятнее, лесок сохранился (и явно был изрядно урезан) еще со времен пустой степи – никак нельзя сказать, что она была вовсе уж безлесная. Никто, в общем, исторической точностью не заморачивался.

К тридцатилетию Победы тот прямоугольник, где лесок был гораздо реже, преобразился до неузнаваемости. В центре поставили памятник с Вечным огнем – солдат славянского облика с воздетым знаменем и сагаец с ручным пулеметом. Сагаец, как положено представителю малого народа, был ростом пониже и малость поуже в плечах брата-руссака, но тоже выглядел браво. Уже после установки монумента обозначилась пикантная деталь: если продолжить метров на двести воображаемый маршрут атаки, выходило, что оба героических воина ринулись штурмовать винный магазин, расположенный всего-то через дорогу от парка. Над этим посмеивались и те, кто относился к Отечественной со всем уважением, – да и те, кто воевал сам. Моментально родился и опять-таки потаенно гулял в народе другой анекдот: «Говорит русский сагайцу: я подержу пулемет, а ты за бутылкой сбегай». Власти предпочли сделать вид, что ничего не заметили, – не поворачивать же памятник в другую сторону? Даже винный магазин не убрали. Вымостили плиткой немало дорожек, поставили красивые скамейки без спинок – так что получилось культурно. Алкаши с бутылками там более не появлялись – редколесье отлично просматривалось насквозь

с любого места любой дороги, в том числе, разумеется, и из машин спецмедслужбы, собиравшей урожай для вытрезвителя...

По инерции, очевидно, покусилась было окультурить и второй парк. Однако ограничились тем, что провели во всю длину неширокую асфальтовую дорожку, окаймленную редкими фонарями. Тем дело и кончилось. Все остальное так и красовалось в прежней неприкосновенности – тропинки, чащобки из деревьев и высоких кустарников. Жители пятиэтажек, выходявших окнами на длинные стороны прямоугольничка, сошлись во мнении, что лес опаскудили.

Гораздо большее одобрение вызвало другое свершение городских властей – на свободном от деревьев уголке стали устраивать новогоднюю ёлку с разнообразными ледяными горками. Молодые родители водили туда свою мелюзгу, там паслись и школьники всех калибров, и вполне себе взрослые парни с девушками. Хотя туда сходились соколы из нескольких окрестных районов, частенько меж собой враждовавших, как-то быстро возникла и устаканилась неписаная традиция: в отличие от танцплощадки в городском парке, на ёлке не драться. Ну, разве что иногда, когда особенно невтерпеж или столкнулись нос к носу вовсе уж непримиримые компании...

И вовсе уж горячее одобрение всего окрест обитающего народа вызвало другое культурное нововведение: в теплое время года, пока не лежал снег, на место будущей елки ре-

гулярно привозили «корову», как ласково звали двухколесную цистерну с пивом. Чтобы ее не спутали с молоком, на ней большими буквами так и написали – ПИВО. А впрочем, не будь надписи, любой наделенный житейским опытом издали догадался бы о содержимом: когда это возле цистерны с молоком стояла густая очередь представителей исключительно мужского пола, снабженных любой мыслимой тарой? По части тары русский народ, как и во многих других случаях, проявил нешуточную изобретательность: заявлялись не только с трехлитровыми банками и канистрами, но и с графинами, ведрами, вообще всем, что подходило в качестве емкости. Однажды компания молодежи, видимо не найдя ничего другого, пришла с корытом. Которое потом, полнехонькое, несли так бережно, как не всякая мать носит младенца. Светофора на том перекрестке не имелось, но перед корытоносителями с обеих сторон притормозили машины и даже автобусы – все мы люди, все человеки.

Большая часть купленного пива изничтожалась здесь же, в лесочке. Вообще, оставшийся диким лесок был грандиозной распивочной под открытым небом, куда чем ближе к вечеру, тем больше стекалось компаний разнообразного возраста. Нужно непременно добавить, что по некоему неисповедимому выверту природы вытрезвительские машины лес почти не навещали, хотя уж там-то урожай могли собрать богатейший, куда там знатным комбайнерам.

Ближе к полуночи пьяные компании, как правило, кто

разбрехался, кто расползался. Лесочком завладевали парочки, плававшие романтическими и не особенно чувствами, но местом для уединения не располагавшие. Тут уж единообразия не было: где ограничивалось поцелуями и вольностями руками, где, в местечках погуще, на расстеленных куртках романтическое общение происходило уже гораздо более повзрослому.

Автор с чувством выполненного долга покидает страницы романа, чтобы никогда уже более не вернуться. Место действия он обрисовал, пусть и скупо, декорации, в которых оно не раз будет происходить, обозначил, так что со спокойной совестью может удалиться, освободив сцену героям, двадцатилетним сынам своего времени образца одна тысяча девятьсот семьдесят шестого года, конца лета. Кажется, это был определяющий год тогдашней пятилетки. А может быть, решающий. По ушедшей в небытие традиции тех времен каждый год пятилетки обязательно каким-то был: то определяющим, то решающим, то еще каким-то. Признаться, эти тонкости автор по давности лет запомнил, да они и вряд ли интересны читателю, даже тому, кто это время не хуже автора помнит...

Теплой вечерней порой они шагали от магазина к Дикому Лесу, по своему району, хозяйской походочкой – неторопливой и уверенной. Как писали в учебниках литературы об Онегиных-Печориных и прочих персонажах – типич-

ные представители своего времени. Существенная разница в том, что их, в отличие от Маши и Дубровского, не проходили в школе и вряд ли когда-нибудь будут проходить. Никто о них в жизни не напишет романа (по крайней мере, достойного включения в школьную программу). Если рассудить, оно и к лучшему: иные подробности их веселой и небезгрешной жизни, попади они в роман, живо заинтересовали бы в первую очередь участкового Карпухина, а им такая радость была совершенно ни к чему...

Они шагали – Костя по кличке Батуала, Митя по кличке Доцент и Коля по кличке Сенька. В последнем случае кличка давным-давно стала прямо-таки именем: фамилия у него была Сенников, и соответствующую кличку он заработал еще в пятом классе, да так и прилипло. Частенько новые девочки и новые кенты¹ далеко не сразу и узнавали, что Сенька – это не имя. Имя он и сам чуточку подзабыл...

Они шагали. На троих – шестьдесят лет, три аттестата зрелости², три военных билета и один комсомольский, три мотоцикла, две собаки, три мамы, один отец, два младших брата и одна младшая сестренка. В данном конкретном случае – еще гитара и два огнетушителя³ «Шипучего».

¹ Кент – скорее друг, чем просто приятель.

² Аттестат зрелости – в те времена официальное название свидетельства о среднем образовании.

³ Огнетушитель – бутылка вина емкостью 0,7 л (но не всякого, а такого, что разливалось в бутылки из-под шампанского). *Здесь и далее молодежный сленг 70-х годов прошлого века.*

Навстречу попалась такая же компания – только с тремя чуваками шла еще и девчонка. Все четверо – насквозь незнакомые на рожи, но что тут поделаешь, если район, хоть они в нем и прочно держали мазу⁴, был не тупик, а сквозняк?⁵ Вообще-то это еще ничего не значило, имелся законный повод до чужаков докопаться: если уж идешь по чужому району, иди по тротуару со стороны проезжей части, а не по дворам мимо подъездов, как эти вот залетные. Иначе в два счета плюх заработаешь. Но они сегодня никак не собирались заниматься примитивной махаловкой, культурная программа была задумана мирная. А потому прошли мимо, как мимо пустого места, наметанным глазом отметив, что залетные держатся чуточку скованно – понимали, что к чему...

– А бикса у них ничего, – сказал Батуала.

– У нас не хуже, – сказал Доцент.

– Истину глаголешь, отче...

Они свернули вправо, меж торцами домов, вышли к неширокой асфальтированной дороге, за которой и начинался Дикий Лес.

– Вот те нате, хрен из-под кровати... – сказал Батуала, глядя влево. – В шесть часов ехал, еще не было...

Слева меж фонарными столбами красовался новенький, хорошо натянутый транспарант: «ДОСТОЙНО ВСТРЕТИМ

⁴ Держать мазу – контролировать район.

⁵ Тупик – городской район, обычно окраинный, где «чужие» появлялись редко. Соответственно, сквозняк – район, где посторонние проходили часто.

60-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ!»

– И до Великого Октября – как до Китая раком, – прокомментировал Доцент.

– А поскорее бы, – мечтательно сказал Сенька.

– Ничего, – заключил Доцент. – Мы свое первого сентября возьмем. Правда, не та охалка будет, но все равно месяц хлебный...

Двое остальных с этой святой истиной молчаливо согласились. Такая уж у них была специфика работы, не знавшей «красных дней календаря». Пахать в праздники приходилось, как Папе Карло. Но в претензии никто не был, наоборот: в хлебные месяцы, то есть отмеченные самыми значительными праздниками, они зарабатывали самое малое раза в полтора больше обычного (хотя и в остальные месяцы получали поболее советского инженера). Так что Седьмого ноября ждали, как соловей лета, – как и Восьмого марта, Первого и Девятого мая, Дня Советской армии и Военно-морского флота и особенно – новогодних праздников. Да и первое сентября в этом плане денежку приносило неслабую.

(Еще следует уточнить: на всех троих жен и детей приходилось ноль целых ноль десятых – что их как-то не особенно и печалило.)

Пропустив автобус, перешли на другую сторону – ну, а там метров через десять располагался «Ресторан «Пенёк», их любимое место вдумчивого распития алкогольных напитков. Место, правда, было бойкое, но, если там обосновыва-

лись свои, с района, можно было в темпе присоединиться. В случае, если там обреталась превосходящая числом компания залетных, вариантов имелось два: либо пройти мимо и поискать другое местечко, либо пошукать по дворам подкрепление (что времени отняло бы мало) и залетных отсюда вышибить – но это работало только в том случае, если махаловка входила в вечернюю культурную программу. Уступавших числом залетных вышибали без церемонии, и они, ворча, уходили, превосходно зная правила игры.

Уютная была полянка, а посередине и в самом деле располагался широкий пенёк, по которому она и была названа еще в те времена, когда они фроляли⁶ в пионерских галстучках. И на пенечке...

Вот это была ситуация чуточку нестандартная: на пенечке сидел невзрачный (а главное, незнакомый) мужичонка бичевского облика, баюкал в правой руке поллитровку «плодовыгодного» и дымил каким-то веником⁷. Что заставило троицу брезгливо поморщиться: сами они предпочитали болгарские, а из советских в первую очередь те, что в твердых пачках, подороже.

Впрочем, и на такую жизненную коллизию давно имелся свой с винтом. Батуала просто-напросто рявкнул:

– Слиял отсюда на хер!

⁶ Фролять – разгуливать.

⁷ Веник – дешевые советские сигареты без фильтра (болгарская «Шипка» под это понятие не попадала).

Как всегда, результат был обычным: мужичонка живенько смылся в чащобу, уронив докуренную до половины сигаретку. Давненько жил на белом свете и прекрасно понимал, что одинокому бичику никак не стоит задираться в Диком Лесу с тремя молодыми советскими парнями – замесят и фамилии не спросят...

Доцент с той же брезгливостью притоптал вонючий окурок, а Сенька выставил на пенек огнетушители. «Шипучее» они очень уважали – ноль семь, белая этикетка с зеленым виноградным листиком, крепость удовлетворительная, если нужно не тупо набухаться, а просто принять для веселья. Пенилось, как шампанское, на вкус было слаще шампанского, а стоило, по их зарплатам, смешные деньги – два рубля тридцать семь копеек (что не означает, будто они обходили вниманием другие всевозможные вина).

– Давай, Батуала, – сказал Доцент.

Батуала привычно раскрыл внушительный складной ножик. Все они давно умели такое винцо мастерски раскупоривать, но у Батуалы получалось ловчее всех. «Шипучее», да еще по летнему времени, да еще взболтанное переноской, при малейшей оплошности пускало фонтан, а они были не киношными гусарами, лихо плескавшими пенным гейзером добрых полбутылки. Подобные методы советской молодежью отвергались решительно, как гнилое наследие царизма. Так что Батуала кончиком лезвия аккуратно проковырял дырочку в верхушке белой пластмассовой пробки – причем

так, чтобы наружу с шипеньем пошел только воздух, без примеси вина. Когда шипение прекратилось, скovyрнул ножом витые жгутики металлической оплетки, раскачал пробку и выдернул. Едва слышно хлопнуло, объявился и тут же растаял небольшой дымок – и ни одной капли не пролилось зря.

Огнетушитель пустили по кругу. Пить из горла тоже надо было умеючи – пузыриков оставалось еще много, и они при неосторожном обращении опять-таки могли дать фонтан. Ну, тут уж никто не оплошал. Прикончив полбутылки, закурили и блаженно прислушались к организмам, в которые вино располагалось со всеми удобствами.

– Анекдоты свежие есть? – поинтересовался Доцент.

– Про Брежнева, – сказал Сенька. – Звонят в дверь. Подходит Леонид Ильич, вытаскивает из кармана бумажку и читает: «Ктооо тааам?»

Посмеялись, но из чистой вежливости – анекдоты о Брежневe, в общем, были скучноватыми, сводились главным образом к насмешкам над чтением по бумажке и прочим маразматическим фокусам.

– С картинками, – сказал Батуала. – Дневник Вовочки. «Первое сентября. Сегодня жарил Катьку. Жалкое подобие онанизма. Второе сентября. Машка сказала, что вечером сделает минет в вестибюле. Срочно посмотреть в словаре, что такое «вестибюль».

Вот тут уже жизнерадостно захохотали в три глотки. Потом Батуала сказал с некоторой печалью:

– Хорошо это у Вовочки там в анекдоте. Биксы сами предлагают. А тут дюжине предложишь – хорошо, если одна согласится...

Доцент с Сенькой с большим пониманием покивали. Ми-нет был, в общем, относительной новинкой, залетевшей с растленного Запада, и далеко не всякую девочку на него можно было уговорить. Даже отъявленные лядёшки сплошь и рядом держали фасон.

– Надо бы Лорку как-нибудь сфаловать⁸, – сказал Доцент. – Второй год пользуем, пора бы ей образование повышать...

– А откажется? – лениво спросил Батуала. – Не личико же ей бить.

– Наше дело предложить, ее дело отказаться.

– Тоже верно... Фотки подсунем, их навалом. Будет наглядная агитация.

– Не голова у тебя, Батуала, а Дом Советов.

– Малёха есть, – согласился Батуала.

Речь, понятное дело, шла о тех мутных от многократного переснимания фотках, которыми торговали в поездах и на вокзалах глухонемые – впрочем, как давным-давно проверено, никакие не глухонемые в большинстве своем. Каковые их жизненные наблюдения Карпухин давно подтвердил, а Карпуха врать не будет.

– Журнальчик зря сплавили, – сказал Сенька.

⁸ Фаловать – уговаривать.

– Да ну, сто раз зырили, глазами фотки протерли...

Вот с журналом было интереснее. Это уже не мутные черно-белые фотки, а самый настоящий толстый журнал с цветными снимками и непонятным названием «Playboy». Журнал к ним попал от Хана, он же – Серега Саражасков. Хан, даром что сагаец, ухитрился поступить в ленинградскую мореходку и второй год ходил на сухогрузе в зарубежные рейсы, главным образом в Юго-Восточную Азию. Ухитрился, хорошо заховавши, провезти то ли из Гонконга, то ли из Сингапура полдюжины этих самых «Плейбоев», имевших на районе успех почище, чем Ален Делон во французском кино.

– Порнофильм бы посмотреть, – мечтательно сказал Батуала. – Хану хорошо, насмотрелся. А тут слушай пересказы с пересказов... Может, при коммунизме казать начнут?

– Ты сначала доживи до коммунизма, – сказал Доцент. – Я вот лично насчет себя не уверен. Потому что коммунизм, партия учит, не за горами, а мы как раз за горами. За Уральскими...

– Уж это точно, – поддакнул Сенька. – Если и доживем до коммунизма, то седыми старичками, и похеру нам будут и порнофильмы, и лядёшки. Агрегат на полшестого повиснет.

– Не ссы в трусы, – хмыкнул Доцент. – Авось придумают лекарство, чтобы стоял до ста лет.

– Ты еще скажи, что столетним будут молодые биксы давать, – фыркнул Сенька. – Бабушек пежить придется, а кому оно надо?

Митя наставительно сказал голосом диктора программы «Время»:

– Советская наука творит чудеса.

– Мудеса она творит, а не чудеса, – отмахнулся Сенька.

– Ну, не скажи, придумали ж кассетные магнитофоны. А мы с вами еще старье помним катушечное.

– Да ну, поди, у японцев слямзили. Как двадцать первую «Волгу» у штатников. Ты ж, Митька, про «Волгу» сам рассказывал.

– Ну, рассказывал. Но не могут же они все время лямзить? Иначе не платили бы им такие бабки. Я так думаю, иногда и сами придумывают.

– Хрен они без масла придумывают, – упорствовал Сенька.

– Ну погнали, погнали, – ухмыльнулся Батуала. – Как диссиденты, ага.

– Ну ты сказанешь, хоть стой, хоть падай. Кто этих диссидентов видел и откелича они у нас?

Диссиденты для Сибири были что инопланетяне – все про них слышали, но никто их не видел. Не водились они как-то за Уралом.

– Это он пропаганду пускать начал, – ехидно сказал Сенька. – Он у нас один-единственный комсомолист, ему положено.

– Идешь ты боком, – лениво отмахнулся Батуала. – Делать мне нехер, только пропаганду пускать. Пусть Бутыляка ста-

рается, ему за это зарплату платят.

– Да мы ж шутейно... Ну, банкуй вторую?

Батуала столь же сноровисто откупорил вторую бутылку. Пустили по кругу, что твою Лорку, такая уж судьба у бутылок и лядёшек. Когда закурили очередные болгарские, Батуала сказал крайне мечтательно:

– А вот представьте, поца...⁹ Заходим мы в кино, в «Победу» или «Октябрь», а там порнофильм кажут. В цвете, широкоэкранный... Всё законно, по билетам...

Тут уж грянул такой жизнерадостный гогот из всех без исключения глоток, что припозднившиеся прохожие в радиусе ста метров наверняка вздрагивали и прибавляли шагу. Измышленная Батуалой картина была столь абсурдной, что любая фантастика ей в подметки не годилась.

– Ну, Батуала, даешь стране угля, – просмеявшись, сказал Доцент. – Не раньше, чем на горе целая кодла раков иссвистится. Да и тогда – сомневаюсь я...

– Помечтать-то можно, – сказал Батуала.

– Путная мечта к реальности должна быть прибита хоть за уголок хоть одним гвоздочком, – задумчиво сказал Доцент. – А у тебя она такая фантазийная, что фантазийнее и быть не может...

– Сам знаю, – уныло сказал Батуала. – А все равно хочется. Доцент вон смотрел в Париже. Который Алхимик.

⁹ Поца – сокращенное от «пацаны». В описываемое время словечко уже помаленьку выходило из употребления.

– Да уж понятно, что не который Мозгляк... Ага, Инка говорила.

Речь, понятное дело, шла не о Мите, а о настоящем доценте, то бишь официальном. Так сложилось, что в домах, где жила троица, доцентов обитало целых два. Мозгляк был доцентом как бы и второсортным – из областного пединститута. Зато второй – гораздо правильнее, из научного института (их в Аюкане имелось целых два). Занимался чем-то сложным по части большой химии, готовил докторскую, и на их памяти раза четыре ездил в настоящую загранку, то есть на Запад. Так что супружница с Инной щеголяли в заграничных шмотках, совсем как в кинокомедии «Бриллиантовая рука».

– Мне тоже, – кивнул Митя. – А еще она мне проболталась, когда в мае в честь окончания учебного года стаканизатор «шипучего» хлобыстнула... Короче, слышала как-то, как мама за бутылочкой со смефуечками подругам на кухне рассказывала. Алхимик ее уж давненько в позы из порнофильмов ставит. Ей нравится.

– Я б тоже поставил, – сказал Батуала. – Баба товарная.

– Старая, – сказал Сенька. – Тебе в мамки годится.

– Ни хера, – сказал Батуала. – Чтобы ей мне в мамки годиться, она меня в девятом классе родить должна была бы. А я за всю свою жизнь только раз про такое и слышал. Да вы тоже – я про Клаву Бабичеву.

– Ну, кто ж не слышал... Только фиг тебе доцентиха даст. Если и лядует тишком, то с кандидатами в доктора каки-

ми-нибудь. Вот нахера ты ей?

– Я молодой, – сказал Батуала. – У меня стояк лучше, чем у всех этих кандидатов. У них вся моща в диссертации ушла.

– Вот ты к ней подойди, да так и скажи. Авось проникнется и даст. Слабо?

– Доцент, я ж не шизик. Заржет на всю улицу, опарафинит... – Он допил остатки и швырнул бутылку в кустики. – Еще возьмем?

– Да успеем. Лари¹⁰ еще часа полтора открыты будут. А вот культуркой бы самое время подзаняться. Всё равно в 33 ещё рано.

– Тоже верно... Кошкоболом разомнемся?

– Да давай сначала поохотиться попробуем. Давненько мы что-то на охоту не хаживали.

– А если опять, как в прошлый раз, час впустую проторчим?

– А нахер час? Постоим недолго, на пару сигареток, и если дичь не попадется, кошкобоить сходим.

– И то... Шагом марш?

Немного пройдя меж деревьев, они заняли свою обычную охотничью засаду – в лесу, у самой дорожки, в середине длинного промежутка меж фонарями справа и слева – там было идеально темновато, так что в случае осложнений никто и не опознает.

– И сегодня не получится, – меланхолично констатировал

¹⁰ Ларь – магазин (в первую очередь винный).

Сенька. – Не везёт, не везёт, потом ка-ак не повезет – и снова не везет...

– Не накаркай, – недовольно сказал Батуала. – О! А замолчали, а прислушались...

– Точено! Каблучки стучат!

– Вона-вона-вона она, лапочка...

– И похоже, туз к десяточке...

В самом деле, «очко». Справа на дорожке показалась девушка в мини-юбке и красной болоньевой куртке. Цокала каблучками чуть поспешно – Дикий Лес не считался таким уж жутким местом, но она шла одна-одинешенька, время позднее, а фонарей мало... И, главное, ни единого лишнего свидетеля поблизости, а уж милиции и вовсе не видать и не слышать. У Карпухина куча вредных ухваток в запасе, но вот в засаду в кустики он сроду не садился...

– Надо ж, как всё один к одному... – радостно прошептал Батуала. – Ну, поца, давайте всё как по нотам...

– Кого учишь? Не целочки...

В самом деле, технология была давненько отработана и проверена в деле не один раз. Когда до засады незнакомочке оставалось метра три, они вереницей вышли на дорожку и вмиг ее перегородили, стоя в небрежных позах. Девушка резко сбавила темп, несколько шагов прошла гораздо медленнее и наконец остановилась, когда их разделял всего-то метр с копейками. Определенно впала в состояния тягостной неуверенности в окружающем. Должна была понимать,

что три добрых молодца поздним вечером дорогу перегородили не просто так, но в глубине души определенно отчаянно надеялась, что все обойдется. Они же с радостью констатировали, что девчонка – их ровесница или чуть постарше – во-первых, смазливенькая, что есть большой плюс – со страшилками неинтересно. А во-вторых, не из их района – что дает все шансы на успех. Своя, к бабке не ходи, их влет узнала бы и обсмеяла.

Они умышленно затягивали напряженное молчание. В конце концов девушка, как и ожидалось, не выдержала, спросила:

– Ребята, можно я пройду?

Ну да, старалась говорить невозмутимо – а голосок-то предательски дрогнул... Дальше можно было пускать комедию по накатанной. Батуала и начал, процедил вразтяжечку:

– Да куда тебе идти, ты уже пришла...

Перекинул гитару с плеча на грудь, взял пару аккордов и задушевно спел:

Постель была расстелена, а ты была растеряна.

И говорила шепотом: «А что потом? А что потом?»

– Картина Репина «Приплыли», – уверенно повел свою роль Доцент.

Сенька не подкачал:

– Ножки стройненькие, мордашка симпатная, а темнота

– друг молодежи... Ты ж не юная пионерочка, должна понимать...

– Для полной ясности, – сказал Доцент. – Мы, чтоб ты знала, служба скорой сексуальной помощи. Вмиг поможем, как комсомольцы комсомолке. Ты ж комсомолка, лапочка...

– Ага... – прошептала она машинально. – Ребята, вы что, шутите?

– Ну да, жди, – мрачно сказал Сенька. – Два часа ждали, все винище стрескали, и все для того, чтобы с тобой пошутить... Нет уж, играем по-взрослому. Бежать не вздумай, догоним – хуже будет. Орать душевно не советую – схлопочешь. Сама в кустики пойдешь или помочь, в смысле – за шиворот вести?

И обступили ее полукругом, оглядывая с головы до пят и насвистывая что-то немзыкальное.

– Ты не думай, мы не хамло какое, – проникновенно сообщил Доцент. – У нас, чтоб ты знала, демократия, как на гнилом Западе. – И припомнил антиимпериалистический стишок из журнала «Крокодил»: – «Выбирай в состав конгресса хочешь – черта, хочешь – беса...» Вот и у нас так. Демократия. Сама выбирай, кто тебе первым нравится, кто вторым, кто последним. Как очередь построишь, так она и пойдет. Ну?

– Да вы что, ребята... – протянула она правильным тоном, показавшим, что начинает все больше верить в неприглядную реальность. – Вы что, взаправду?

– А ты как думала? – зловещим тоном спросил Батуала. – Короче, расклад такой. Землицей не запачкаешься, куртку подстелим. Будешь лапочкой, любить будем ласково и душевно. А начнешь барахтаться или, того хуже, кусаться – настучим по почкам и все равно поймеем, только уже хамски. С теми штучками, что в Уголовном кодексе именуются «извращенным образом». Въезжаешь, об чем я? Ведь не целочка? – Он громко хмыкнул. – Заменжевалась, значит, не целочка. А то тут давеча одна слезу пускала и хныкала, будто целочка, а потом оказалось, что там не целочка, а заезжий двор...

Он замолчал, услышав шаги слева. Остальные тоже притихли, но в панику не впали – шел кто-то один, и шаги, что немаловажно, ничуть не походили на тяжелую поступь карпухинских сапог. В цивильных ботиночках кто-то шел.

Девчонка – уже с намернувшимися на глаза слезами – ушла в ту сторону с нешуточной надеждой. А вот они облегченно вздохнули: по тропинке к дому шагал не кто иной, как тот доцент, который Мозгляк, невысокого роста, шибздик в галстучке, лысоватый трус по жизни. Еще два с половиной года назад приведенный в надлежащее состояние души. Не выдержала однажды его педагогическая душа, начал выступать, когда они сидели на лавочке вполне мирно – и пели не слишком громко, и песня не похабная. Обступили его так, как сейчас девочку, и Доцент протянул невероятно хамским тоном:

– Слышь ты, смертный прыщ... (С экранов тогда еще не сошел Иван Васильевич, который меняет профессию.) Неприятностей захотел? Ты одно запомни: твоя баба по району ходит вечером и потемну. А она у тебя еще очень даже ничего. А дочушка который класс кончила, шестой? Тоже кое для чего сгодится. Не будешь жить тихо – пеняй на себя...

Он, в общем, неприязнь особенно и не играл – слишком мало времени прошло с окончания школы, чтобы выветрилась подсознательная вражда к педагогам. И спокойно закончил:

– Ну, ты врубился, Песталоцци¹¹ аюканского разлива, Ушинский¹² доморощенный?

Сенька все это время стоял рядышком и подбрасывал на ладони сложенный ножичек не самого малого размера. А Батуала добавил веско:

– Заяву накатать не вздумай, интеллигент. Хрен что докажешь, свидетелей нет. А ребят на районе много, вовсе и не обязательно, что это мы твоих мочалок пялить будем. Да мы и не будем, чтобы не светиться, дальних позовем, которых ты на рожу не знаешь... Врубился, сучий потрох?

Мозгляк врубился. Заяву катать не стал и с тех пор шмыгал мимо их компаний так, словно они были человека-

¹¹ Песталоцци (1746–1827) – знаменитый швейцарский педагог, автор теоретических трудов.

¹² Ушинский (1824–1870) – известный русский педагог.

ми-невидимками. Алхимик на его месте непременно залез бы кому-нибудь в личность – а впрочем, Алхимик не стал бы так дешёво докапываться, правильный был мужик.

Вот и сейчас Мозгляк так просквозил мимо, словно до-рожка была пуста, как лунная поверхность.

– Ну, что пригорюнилась, кавказская пленница? – деловито спросил Батуала. – Пора бы и в кусты. Последний раз объясняю расклад. Будешь умничкой – чего доброго, и удовольствия получишь, и уйдешь в товарном виде. А если пойдешь поперек – потом все пуговицы с тебя оторвем, вообще порвем на тебе, что можно, и пойдешь ты к родителям, как Баба-яга из детского кино, да еще с фонарем под глазом. Тот им радости будет... Ну, что надумала?

Вот тут и наступил тот самый момент истины, про который было написано в недавнем приключенческом романе, оба номера «Роман-газеты» с которым Доцент цинично спер из почтового ящика Мозгляка. Во-первых, не трусохвостику Мозгляку читать романы про храбрых людей, а во-вторых, почтовый ящик был такой, что спичкой открывался в две секунды. Ну как тут мимо пройдешь? Классную литературу, они считали, и украсть не грех – это не кошельки по автобусам тырить, тут духовные запросы...

В общем, опытным охотникам было ясно, что девочка дошла до кондиции. Не хныкала (а некоторые в голос хныкали), но слезки в глазах стояли. Поверила, сломалась, смирилась с неизбежным. Конечно, вслух не согласилась бы (они

никогда вслух не соглашались), но если бы ее взяли за шкуру и повлекли в кусты, влеклась бы с печальной покорностью судьбе. И не трепыхалась бы, чтобы не получить по личику. Хотя потом, вполне возможно, заяву накатала бы, как Чайковский – увертюру.

Они переглянулись, оценили ситуацию и расступились. Батуала сделал галантный жест, как мушкетер из французского фильма:

– Вали отсюда. Чуваки пошутили. Шютка, Шурик, шютка – как говорил носатый нерусь в той кинокомедии. Ну, что стоишь? Хочешь, чтобы передумали? И заруби на носу на будущее: в этом лесочке последний раз какую-то дуру изнасиловали аж в шестьдесят пятом. Мы точно знаем, участковый рассказывал... Ну?

Она стояла, переводя заполошенный взгляд с одного на другого, и похоже, окончательно еще не верила в свое девичье счастье.

– Ну, что стоишь, бикса? – ласково спросил Доцент. – Шевели стройными ножками, куда там тебе удобнее. Бууу! – и сделал зверскую рожу.

Вот тут она, лампочка, рванула с места в хорошем темпе. Не то чтобы припустила бегом, но близко к тому. Трое с любопытством смотрели ей вслед.

– Спорнем, поломает каблуки? – предположил Батуала. – Та, с папочкой для нот, поломала...

– Та была на шпильках, – возразил Доцент. – А у этой

каблуки невысоконовые... Не ломает.

– Это точно, – заключил Сенька.

Метрах в двадцати от них она приостановилась, обернулась и, все еще со слезками в голосе, крикнула:

– Дураки!! Идиоты! В милицию вас сдать!

Батуала живо присел и развел руки:

– Щас догоним, зараза неблагодарная! Уть ты!

Она снова припустила, перебежала пустую улицу и свернула направо, а там вскоре и пропала из виду.

– Зараза неблагодарная, – грустно повторил Батуала. – Ведь благодаря нам охеренную радость ощутила, когда поняла, что жарить ее не будут... И вот тебе вместо «спасибо»... Доцент, что там про это сказано у Вильяма нашего Шекспира?

– Все бабы – порожденье крокодилов, – сказал Митя. – Бабы, имя вам вероломство.

– В корень зрил наш Вильям, – кивнул Батуала. – Мы ей – радость, а она – обзывать... Это у нас которая? Одиннадцатая или двенадцатая? Я десятую, юбилейную, хорошо помню, а вот потом засбоило... Вроде двенадцатая, Доцент?

– Сейчас, – сказал Митя, извлек из внутреннего кармана куртки шариковую авторучку, блокнотик, сноровисто его перелистнул. – Точно двенадцатая. Сейчас отметим...

И аккуратно пририсовал двенадцатое сердечко к уже имевшимся одиннадцати, целиком заполнив второй рядочек.

– Вечно одно и то же, – сказал Сенька с некоторой грустью. – Хлюпают, хнычут, пищат через одну, что они целки и им страшно. И ни одна ведь заяву не накатила. Если б накатали, Карпуха бы давно доскребался. И эта не накатает.

– А тебе какую надо? – хмыкнул Доцент. – Чтобы сама в кусты побежала, сама легла и сама плавки сняла? Так если такая и попадется, на ней, сто процентов, трипак поймаем, не отходя от кассы...

– Кто б спорил... Я не про таких. Вот попалась бы хоть разок гордая, встала, как юная партизанка в гестапо, и орала: «Не дамся! Когда убьете, тогда и поимеете!» Я б, наверно, к такой подклеился со страшной силой. В жизни цветов девушкам не покупал, а такой бы купил.

– Заявочки... – сказал Батуала. – Тебя что, на лирику потянуло? На романтику? Как поет София Ротару, р-романтыкэ...

– Это он кин насмотрелся, – съехидничал Доцент. – «И дождь смывает все следы». На прошлой неделе Карину на нее водил.

– А ты на нее Лорку не водил? Да и Батуала с Ленкой ходил.

– Было дело, – пожал плечами Батуала. – Фильмец-то – ништяк.

– Это точно... – задумчиво поддакнул Доцент. – Лорка аж слезинку сронила, хорошо хоть, не мне на липень...¹³ Ро-

¹³ Липень – пиджак.

мантики захотел?

– А хрен его знает, Мить, – сказал Сенька. – Я тут подумал... Три года девок жарю и жарю...

– Радоваться надо. Целых три года. Как и все мы, грешные. И дай нам бог еще тридцать три...

– Я не про то. Я ж три года их только жарю. Нашупал дырочку, загнал пупырычку... Хочется иногда чего-то такого... Не одного харева и порева.

– Ага, – сказал Доцент. – Что, романтической любви? Ты еще «Ромео и Джульетту» вспомни. Как мы в девятом с девчонками на них с последнего урока сбежали. Это всё, конечно, очень бла-ародно, как один дон говорил... Только это в кино красиво. А в жизни от лирики одни неудобства. Да тех же Ромео с Мулькой возьми. Один уксусной кислоты хлебнул, другая перышком запоролась. Все поют и пляшут, радости полные штаны... Да и тот дождь, который смывает все следы, чем кончился? Помнишь?

– Да помню...

– И вот что еще, – сказал Доцент вкрадчиво. – Ты «Ромео и Джульетту» хорошо помнишь?

– Ну. В июле ж по ящику показывали.

– Как он пошел на маскарад в чужой район, помнишь?

– Помню. И не просто в чужой район, а туда, где у его бати с ее батей кровная месть по-кавказски.

– Я не про то. Про его любимую девушку помнишь?

– Про Джульетту-то чего не помнить?

– Да я не про Джульетту, – сказал Доцент. – Там мимоходом говорилось: до того, как у него на Джульетту встал со страшной силой, у него уже была любимая девушка. Только потом про нее Вильям наш Шекспир – ни словечком.

– Не помню что-то...

– Невнимательно слушал, на Джульетту пялился... Была такая. Вроде бы и по имени не помянутая. Ей-то что вышло? Ромео с Джульетой – лирика с романтикой, а ей – туз-отказ. Может, она тоже уксусной кислоты нахлебалась, только Шекспир про это промолчал, чтобы зрителям кайфа не ломать...

– Да что там Ромео с Джульеттой в советскую жизнь тянуть? – вмешался Батуала. – Шмураню забыли? Полгода не прошло... Шмураня к этой стервочке пылал лирикой с романтикой, а она получше стебаря нашла – и бортанула чувака...

Все помолчали. И в самом деле, взял правильный кент Шмураня папину ракетницу, прижал к груди да и на спуск даванул. Там, где сердце, яму выжгло...

– Вот так, Сенька, – сказал Батуала наставительно. – Вот тебе и лирика с романтикой. Митька прав, без них жить проще... Ну что? И на этот раз повезло? Если мусора до сих пор не подкатили, значит, бикса шороху поднимать не стала. Везучие мы всё же...

Митя мысленно прокомментировал – и в самом деле везучие. Опасная была забава. Появись милиция или сознатель-

ные прохожие, заори девочка, что ее насилуют, – хрен потом кому докажешь, что они так в двенадцатый раз шутили. Но этот-то риск и придавал скучной жизни кайфа...

– Ну, поболтали о лирике и романтике? Успеем и кошкоболом размяться...

– Пошли!

И они двинулись почти в ту же сторону, куда унеслась ошастливленная неземной радостью бикса. Батуала вновь перекинул гитару на грудь, и они слаженно выводили не безыдейную похабщину, осужденную советским комсомолом, а нечто вполне лирическое:

Сумерки природы, флейты голос нежный,
позднее катанье...

На передней лошади едет император
в золотом кафтане...

Белая кобыла с карими глазами, с челкой вороною,
алая попона, крылья за спиною,
как перед войною...

Здесь уже было довольно людно, так что приходилось, как в той кинокомедии, искусно притворяться порядочными людьми. Благо особого актерского мастерства это и не требовало. Образцовая советская молодежь вышла вечерком культурно прогуляться: костюмчики не мятые, туфли не грязные, причесаны гладко, рубашки расстегнуты не до пупа, а на пару пуговиц, не орали дурноматом занесенную с Запада идео-

логически вредную заразу, и уж тем более не шатались (два огнетушителя на троих – доза детская). Ну а ножики-складешки в карманах брюк советской общественности глаза не мозолили, да и у рабоче-крестьянской милиции нареканий бы не вызвали: солидных размеров были ножики, но сплошь законные, в магазине куплены.

Ножики были – чистые понты. Аюканская молодежь штатетниками дралась сплошь и рядом, если вовремя попадались под руку, самодельные кастетики тоже порой мелькали (вот за них можно было огрести неприятностей), а ножи пускать в ход в махаловке было как-то категорически не принято и для нормального чувака где-то даже и унизительно. Надеяться нормальный чувак должен только на кулаки – ну, порой и на штакеты с кастетами, в конце-то концов и колами, и свинчатками и в незапамятные царские времена дралась не только молодежь, а взрослые мужики. Однако по тем же неписанным этикетам нож нормальному чуваку прямо-таки полагалось носить на кармане. Желательно магазинный, от финок порой бывали осложнения вплоть до вышки – как у того-то в семьдесят пятом или у того-то этой весной...

Прошли мимо высокого, с колоннами, крыльца кинотеатра. Крыльцо пустовало – шла, если прикинуть, половина последнего сеанса. Фильмец крутили довольно старый – «Новых центурионов». Все трое его видели не по разу, все было обсуждено и обговорено, но Батуала все же проворчал, косясь на афишу:

– Кучеряво живет американская блатата. У каждого в кармане пушка, и в случае чего шмаляют по мусорам так, что шуба заворачивается.

– Мусора у них тоже не пальцем деланы, – лениво отозвался Митя. – Помнишь, какие у них карабинчики? Передернул что-то снизу – два выстрела есть, еще передернул – еще два. А вот представь – идет сейчас нам навстречу Карпуха с карабином на плече...

– С автоматом... – добавил Сенька.

Они дружно поохотали – невозможно было представить советского мильтона не то что с автоматом на плече, но даже с пистолетом в кобуре или с дубинкой на поясе.

– А уж машины у них... – мечтательно протянул Батуала.

– Помолчи, комсомолист, – откликнулся Сенька. – Тебе западную технику хвалить не положено, пусть и дальше красиво разлагаются...

Тема развития не получила. Батуала был единственным комсомольцем из троих, Митю с Сенькой в седьмом классе в передовые ряды сознательной советской молодежи не допустили: тут и по три двойки в четверти, и систематическая ловля за курением в укромных уголках школьного двора, и разнообразные художества, о которых и сегодня приятно вспомнить. Сразу не приняли, а потом как-то и забыли, схлынула волна, пошла рутина. Что им жизнь нисколько не отягощало, наоборот: после уроков класс обреченно оставался на комсомольское собрание, а они, прихватив

портфели, законным образом покидали школу и, перекурив в скверике, вольными пташками отправлялись по своим делам. Многие им завидовали. Единственное, значки у комсомольцев были красивые, что да, то да. А подковырки над Батуалой за его членство в рядах были такими старыми, что самим беспартийным давненько надоели и звучали чисто по инерции.

А потом и вовсе стало не до пустых разговоров – пройдя под арочкой возле кинотеатра, они оказались в старых охотничьих угодьях. Все внутреннее пространство прямоугольного квартала занимал этакий редкий лесочек, судя по хаотичности деревьев, работавший на версию, что это – не результат трудов какого-то довоенного коммунистического субботника, а, учитывая близкое соседство Дикого Леса, его кусочек, и промежуток между ними был когда-то сведен под корень для стройки домов и асфальтирования улиц.

Вот здесь и предстояло в который раз поохотиться на кысандеров. Специфика позволяла: район чужой, но дело даже не в том, что он проходняк, а в том, что добрых три четверти домов оказались новостройками, заселенными этим маем. Здесь попросту не успела сложиться крепкая кодла, державшая бы мазу, многие друг друга знали исключительно вприглядку, да к тому же их ровесники раскололись на «стареньких» и «новеньких», так что махались главным образом по этой подоплеке. А потому залетные здесь себя чувствовали вольготно, как мало где в городе...

Лесочек был довольно ярко освещен падавшим из окон светом, но все же недостаточно ярко, чтобы они оказались как на ладони. Уличных фонарей во дворе пока что не имелось, только-только поставили столбы, а светильники обещали воткнуть к Великому Октябрю. И компаний на лавочках практически не было. Одним словом, охотничий рай...

Они с привычной сноровкой не спеша двинулись цепочкой посередине лесочка, зорко высматривая добычу. Облава продолжалась недолго, вскоре Батуала тихонько воскликнул:

– Ага! Вон кысандер! Тих-хонечко, поца...

Действительно, под кустом сидел здоровенный белый кот, а может, и кошка – кто бы под хвост заглядывал? Половая принадлежность дичи в данном случае не имела никакого значения, в отличие от предыдущей, только что закончившейся охоты. Цели были совершенно разными, знаете ли...

Кота – а может, и кошку – начали грамотно окружать, заходя издали, перемещаясь неторопливо и плавно, чтобы не отпугнуть.

То ли в самом деле чем-то спугнули, то ли кот был изрядно бит жизнью и незнакомым на всякий случай не доверял. Когда до него оставалось метра три, кошак вдруг насторожился, поднял хвост и пулей метнулся прочь, ввиду малочисленности облавы легко ее миновав. Две секунды – и затерялся в лесочке.

– Вот же падла... – плюнул Батуала.

– Может, мы его уже разок запускали, – сказал Сенька. –

Кто ж их помнит?

– Атас! – посмотрев в сторону, тихо сказал Доцент.

Они насторожились. Меж деревьев появились пятеро, на вид примерно их ровесники, и двинулись к месту, где они стояли, что-то слишком уж целеустремленно. А ведь не было тут ни тропинки, ни полянки...

Следовало подготовиться к худшему – хотя дело вполне житейское, так что паники в рядах не наблюдается. Батуала пристроил гитару поудобнее, чтобы в случае чего моментально сорвать с плеча: только несведущий в музыке человек возьмется утверждать, будто гитара – не ударный инструмент...

Компании оказались друг против друга, но что-то выяснением отношений не пахло – традиционных вопросов и реплик не последовало, чужие расположились словно бы и не в боевом порядке. Один тут же спросил:

– Пацаны, вы тут ката не видели? Белого?

– Да только что вон туда прошел, – первым нашелся Доцент, указывая истинное направление. – А вы – серого такого, толстого?

– Да нет, вроде не фролял такой... Тоже мать послала?

– Хуже, – сказал Доцент. – Бабка. Нудит и нудит: домой пора кисочке. А куда он, на хер, денется? Налядуется, жрать захочет, сам придет.

– Вот и я маме то же самое, – сказал чужой. – А она заладила: заблудится, заблудится... Туда, говоришь, пошел? Ну,

спасибо, пацаны, ищите своего...

И пятерка скорым шагом отправилась искать своего беглеца.

– Пронесло, – сказал Сенька.

– Ага, – хохотнул Доцент. – Как в анекдоте. «Пронесло, Василий Иванович. Меня тоже, Петька».

– Да уж, – заключил Батуала. – Застукай они нас с кысандером, впятером бы накидали. Мы б потом пришли с кодлой, да все равно по чавке получили бы, а их потом еще найти надо...

– Валим отсюда?

– Да ну, раз на раз не приходится, снаряд в одну воронку два раза не падает... До конца пройдем.

Они двинулись дальше, столь же зорко озираясь. Почти у самого конца лесочка повезло, обнаружился под кустом другой кот, серый, еще толще белого. И, в отличие от белого, должной революционной бдительности не проявивший. Подпустил охотников вплотную – и был моментально изловлен, да и на руках у Батуалы почти не дергался.

– То ли дурной, то ли ленивый, – констатировал Батуала, поглаживая пленного котофея по голове. – Иди суда, мой пряничный сахар, щас полетаешь чуток...

– Верит в человечество, – хмыкнул Доцент.

– Перестанет скоро... Пошли?

– А во-он...

– Мля, ну лучше и не найдешь...

Благодаря высокому цоколю первый этаж новостройки оказался на высоте этажей полутора обычных хрущевок. Створка кухонного окна была распахнута настежь, в кухне горел свет и слышалось тихое позвякивание посуды. Пройти мимо такого подарка судьбы не было никакой возможности – себя уважать перестанешь.

– Давай, – сказал Батуала, передавая котофея Сеньке. – Ага, вон и лавочка подходящая...

В кошкоболе все трое приобрели немалый опыт, но у Сеньки лучше всех получалось.

– Щас, – сказал он, приняв нужную позу и подняв на уровень плеча все еще не подозревавшего ничего дурного кот. – Спускаемый аппарат, как и рассчитано, звезданулся восточнее Караганды...

И, широко размахнувшись, молодецким броском послал котофея прямехонько в раскрытое окно. Котофей, успев еще взреветь дурным мявом от столь резкой перемены жизненной обстановки, угодил аккурат в щель меж неплотно задернутыми занавесками. Все трое опрометью кинулись к лавочке. Слышали за спиной отчаянный звон посуды, женский визг и яростные мужские маты – судя по их накалу, метко пущенный котофей не только побил посуду на столе, но еще и сковырнул бутылку со спиртным: завтра должна была, как обычно после пятницы, наступить суббота, и честный советский труженик решил культурно расслабиться... Вот только у нас, мужик, хрен расслабишься, подумал Митя с чувством

глубокого удовлетворения – с таким советским людям полагалось исключительно встречать новые эпохальные призывы партии и решения очередного исторического съезда. Ничего, партия не обеднеет...

– От блажит! – удовлетворенно сказал Батуала, слушая неумолчные маты. – В семь этажей с чердаком. Точно, не интеллигент, а передовой советский пролетарий. Точно, котфей ему пузырь снес...

– А может, не передовой?

– А чего ж ему хату в хорошей новостройке дали? Ударник коммунистического труда, точно... Вон, харю высунул...

В окошко и точно высунулся здоровенный мужик в майке, бешеным взглядом озирая двор. И, понятное дело, ничего не увидел – что бы он разглядел в уличной полутьме из ярко освещенной кухни? А если бы и увидел, то только трех приличных молодых людей, сидевших с гитарой на лавочке. Свидетелей не было, а отпечатков пальцев на котфее не останется. Конечно, налицо предусмотренное родным Уголовным кодексом мелкое хулиганство, но вы сначала что-нибудь докажите, граждане мильтоны... В жизни не случилось, чтобы кто-нибудь из-за такого кошкобола заявление подавал, – да и мусорам оно нужно, как зайцу барабан...

Из подъезда бомбой вылетел взъерошенный кошак и кинулся в лесочек. Судя по виду, веры в человечество у него прибавилось. Маты в кухне уже затихли, но стекло позвяки-

вало – его, похоже, заметали в совок.

– Точно, котофей пузырь снес, – сказал Батуала.

– Ничего, все лари еще открыты, – сказал Доцент. – Успеет затариться, если душа горит.

– Ну что, теперь пора и в ЗЗ?

– А куда ж еще? Только сначала в ларь. У девок еще занятия не начались, спирта нету...

– Само собой, в ларь...

Они встали и двинулись в ту сторону, откуда пришли, в самом прекрасном расположении духа: удачная охота и удачный кошкбол подряд друг за другом далеко не всегда случаются. А потому душа просила лирики, которую Батуала старательно и выдавал:

Я хочу вам рассказать, как я любил когда-то,
правда, это было так давно...

Помню, часто брел я по аллеям сада,
чтоб шепнуть в открытое окно...

Остальные дружно подхватывали припев:

Гёрл... Гёрл...

Трудно сказать, что за народный умелец переложил на русский одну из битловских песен, наверняка не сибирский, но пришла она за Урал давно и пелась часто.

По ночам она мне часто
снится в белом платье,
снится мне, что снова я влюблен.
Раскрывает для меня, любя, свои объятия,
счастлив я, но это только сон...

Гёрл... Гёрл...

Мите не единожды приходило в голову, что налицо некий парадокс – о любви пели все и часто, а вот по-настоящему не влюблялся никто. За исключением, пожалуй что, Шмурани – и чем кончилось? Понятно, школьные влюбленности не в счет – это было насквозь несерьезно и быстренько схлынуло с получением аттестата зрелости, как вода знаменитого миссского наводнения шестьдесят шестого года...

Затарились быстро – ближайший ларь в это время был почти пуст. Да и с чего бы ему быть полному, если в радиусе километра, Митя прикидывал по спидометру мотоцикла, таких ларей не меньше полутора десятков? Выйдя на улицу, напоролись на мелкое, но интересное приключение: стоявший в очереди мужичонка бичевского вида в ларе зачем-то задержался, но потом их обогнал и, покосившись, неприязненно проворчал:

– «Шипучее» пьют, аристократы...

Неосторожно было с его стороны задевать троих только и искавших приключений лоботрясов в месте, где милиции на

километр не видно. Сам-то, жалкая и ничтожная личность, покупал один-единственный пол-литровый пузырек «плодовыгодного» за рубль ноль пять, да и рассчитался мелочью, где медяков было больше половины.

– Батуала, а ведь голимая вылазка контрреволюции... – сказал Сенька.

– В корень смотрите, товарищ комиссар... – согласился Батуала.

Отдал свою бутылку Доценту, в два шага догнал мужичонку, взял за шкурку, гуманно развернул спиной к большому газону и наставительно сказал:

– Как учил нас товарищ Бендер, аристократы все в Париже...

И провел короткий с правой, не особенно и размашистый. Мужичонка улетел на газон, где и успокоился, не разбив бутылку. Судя по пропитой роже, не исключал, что его будут бить ногами. Только кому он сдался?

Батуала вернулся, взял бутылку, и они двинулись дальше, свернули налево, где справа был Дикий Лес, а слева – новостройка с частой цепочкой фонарей и широкой асфальтированной дорожкой. Когда навстречу показалась девчонка в коротеньком платьице, Батуала оживился, вновь отдал бутылку Доценту и перекинул гитару на грудь:

На самой совершенной из планет
все трезво, все разумно, все толково —

помним дом мы!

Чего там только не было,

чего там только нет...

И благодаря большой практике подгадал так, что с девчонкой они сошлись лицом к лицу аккуратно на заключительных строчках куплета. Дорогу ей не загораживал – не те места, – но этак легонечко выдвинулся чуть наперерез и закончил браво:

Но хочется чего-нибудь такого...

Земного, земного!

И с неприкрытым намеком огладил взглядом ее стройные ножки. Девчонка его преспокойно обошла, беззлобно огрызнувшись на ходу:

– Сходи подрочи!

И преспокойно застучала каблучками дальше; судя по поведению, местная и знавшая расклады. Кто бы всерьез похамски к ней приставал в это время и на этой улице?

– Но ты борзая... – бросил ей вслед Батуала.

– А ты думал! – задорно откликнулась она, не оборачиваясь и не меняя аллюра.

– Наш человек... – сказал Доцент.

– Догнать и задружить? – предложил Сенька. – Путня ведь чувишка.

– Ша, поца! Карпуха канает!

Все живенько развернулись в ту сторону. И точно, степенно шагал товарищ участковый, капитан Карпухин, как всегда, с видом человека, которого тут все знают, а кто не знает, тот узнает (что истине вполне соответствовало).

Трое церемонно раскланялись, сдернув воображаемые кепочки. Удостоив их короткого кивка, участковый проследовал мимо. И компания, и он прекрасно понимали, что доскрестись тут не к чему – вино они в общественном месте не распивали, а несли закупоренным, чего самые гуманные в мире советские законы не запрещают. И никто не появлялся в общественном месте в виде, унижающем человеческое достоинство и задевающим окружающих. Пока что. Еще не вечер.

Задумчиво проводив взглядом неспешно удалявшегося Карпухина, Батуала протянул:

– Чего-то тут неправильно, ребята...

– Это как? – осведомился Митя.

– А вот думайте сами, решайте сами, иметь или не иметь... – пропел он на манер героя популярнейшей новогодней кинокомедии. – Неправильно что-то, ребята. Позавчера Фантомас с пацанами в двух шагах отсюда, у кафешки, начистили чавки каким-то фраерам из центра. Чтобы не по кафе в галстучках ходили, а пили, как все культурные люди, на полянке или уж в подъезде. Сами знаете. И сами знаете, что Карпуха в таких вот случаях докапывается до всех подряд. А до нас вот не докопался. Это неправильно.

– Ну, предположим, он и до Фантомаса не докопался... – задумчиво протянул Доцент.

– Потому что Фантомас ему эти дни не попадался. А до Карася и до Бармалея докапывался, не слышали ли чего. И только-то. Не выспрашивал, где они сами тогда были. Что получается? Что Карпуха не знает пока, кто накидал центро-вым фраерам, но точно знает, что ни нас там не было, ни Карася с Бармалеем...

– Что-то в этом есть.... – протянул Доцент. – Ты у нас, Батуала, Шерлок Холмс и доктор Уотсон в одно лицо...

– А то. Детективчики и смотрим, и почитываем. Да и жизни учёны малёха. И Карпуху не первый год знаем, когда еще пионерами по мелочам проказили. Подозрительно мне что-то...

– Ага, – сказал Доцент. – Все же думаешь, что постукивает кто-то? Дятел завелся?

– А почему б и нет?

Сенька добавил:

– Что-то в последнее время Карпуха знает много, чего бы ему знать и не положено... А кандидатурки-то есть...

– Это ты про Морковяна? – спросил Доцент.

– Про него, соколика. Таскали его мусора месяц назад за бухого мужика, у которого часы сняли и кошелек попятили? Таскали. Ну, предположим, мужик его не опознал, он бы родную маму не опознал, был тогда в сиську... Но все равно был слушок, что у мусоров были надежные свидетели, что

мужика тряхнул как раз Морковян. То ли передовики производства, то ли отличники боевой и политической подготовки, то ли вроде того. И что-то очень уж легко мильтоны от Морковяна отлипли. Обычно от них так просто не отвяжешься, а тут гуманизма – хоть жопой ешь...

– Ежели в этом направлении двигаться... – сказал Доцент. – То получается, что позавчера, когда Фантомас месил фраеров, мы все трое плюс Карась с Бармалеем, плюс Морковян, плюс девки ездили в ДК автоколонны на последний сеанс, возле кафе быть никак не могли и из кина вернулись за полночь, так где-то в полпервого, мы ж еще потом девок провожали... Действительно интересно... Наталкивает на мысль...

– Да и насчет Свиристея есть подозрения, – сказал Сенька. – Очень уж гнилой по жизни чувак.

– Если гнилой по жизни – еще не обязательно дятел...

– Сам знаю. Вот только статеек УК за ним ворох, хоть и мелких.

– Так за всеми ворох.

– Оно так... Вот только там, где твердые чуваки не расколются, гнилуха Свиристель может и расколоться... Карпуха и точно с месяц уже много что-то знает... А это, Батуала кругом прав, неправильно...

– А что делать?

– Вычислять как-то надо. Если так и дальше пойдет, рано или поздно на чем-нибудь запоремся из-за дятла...

– А как вычислять? – почесав в затылке, спросил Батуала. – Поди вычисли. У нас тут не детектив, а советская действительность. И уж никак не гнилой Запад. Это там у них проще. Мить, как там в детективе про плохую погоду? Насчет микрофончика?

– Сейчас... – ненадолго задумался Доцент. – Ага! «Куда ты девала микрофончик?» – «Зашила его в подкладку твоего пиджака, милый».

– Вот и я об чем, – сказал Батуала. – Кайфово им там. Берет микрофончик, надо полагать, с таблетку размером, в липень зашивает – и готово. А нам такой микрофончик откуда взять? И как вычислить вообще дятла?

– С Катаем посоветоваться надо, – предложил Доцент.

– А вот это мысля. Катай что-нибудь толковое да посоветует, наблатыкался за пару пятилеток по зонам да по тюрьмам... Надо к нему заглянуть, не откладывая... Ну что, пошли? Самое время...

– Пойдем-то пойдем, куда ж мы денемся... – проворчал Сенька. – Только тебе одному сразу будет хорошо. Твоя Райка позавчера приехала. А нам с Доцентом еще искать по этажам...

– Найдете, не первый раз замужем, – усмехнулся Батуала. – Будто раньше не искали. Да и Райка кого-нибудь подыщет, не в первый раз... Так что харе¹⁴ ворчать.

Миновав пару домов, они оказались у кирпичной пяти-

¹⁴ Харе – то же, что «хорош».

этажки без балконов, постарше их годочками. Это и было знаменитое на всю округу Змеиное Звездохранилище, или сокращенно ЗЗ. Если культурно и официально – общежитие медицинского училища (в котором ни одного парня не имелось, парни если и шли в мед, то только в институт после армии). Располагавшееся в полукилометре отсюда общежитие кулинарного техникума именовалось Сладкое Звездохранилище, а это из-за медицинской эмблемы – Змеиное. Обитали тут вовсе не змеи, наоборот – отзывчивые лапочки, пользовавшиеся, как и кулинарочки, большой популярностью в районе и нескольких прилегавших. В обоих «малинниках», как их еще называли, обитали сплошь приезжие – девочки из райцентров, маленьких городков, деревень. Во всех трех категориях населенных пунктов, где народу по сравнению с Аюканом жило немного, личная жизнь молодежи была на виду, все всех знали. А это данную личную жизнь изрядно ограничивало. Попав на учебу в областной центр, девочки быстро обнаруживали, что тут они располагают восхитительной анонимностью, и радовались жизни на всю катушку, чтобы побеситься вдоволь, пока молодые и незамужние. У медичек имелось большое преимущество перед кулинарочками – они со второго курса регулярно проходили практику в больницах, откуда поголовно таскали медицинский спирт. Бороться с этим злом врачи и преподаватели и не пытались, давным-давно махнули рукой: ввиду непобедимости зла, у которого было гораздо больше голов, чем у Змея Горыны-

ча, – замучаешься рубить поодиночке... Как рассказывали сами девочки-медички, вся борьба свелась к тому, что кто-то из преподавательниц порой блажил на занятиях:

– Прощмандовки! Если уж спирт таскаете, водой не доливайте! Врачи жалуются, инструменты ржавеют! Сами знаете, их в спирту держать положено! Лучше уж пусть будут сухими, чем в воде!

На том борьба и кончалась. Правда, сегодня на спирт рассчитывать не приходилось – еще не начались занятия, а значит, и практика. Приходилось нести с собой, что нисколько не напрягало при множестве ларей и их зарплатах.

Звездохранилище считалось абсолютно нейтральной территорией, куда ходилась молодежь чуть ли не с половины города, а потому здесь давным-давно, еще со времен пионерского детства троицы (и даже, говорили, еще в те времена, когда их и на свете-то не было), установилась крепкая традиция: никаких махаловок.

Вот и сейчас картина была обычная, насквозь знакомая: в вестибюле нетерпеливо прохаживались только те счастливики, что ждали конкретных девочек. Остальных туда не пускали, и они немаленькой толпой расположились на высоком широком крыльце и около него. Как всегда, в ожидании некоего чуда, позволившего бы попасть внутрь. Однако чудес в этом мире не бывает: проходная была укреплена не слабее, чем на каком-нибудь атомном заводе, а воспитательницы собачьим нором и злобностью, как говорили люди

знающие, не уступали вертухайкам с женских зон. Яростно блюли девичью невинность – хотя прекрасно знали, что беречь уже нечего, боролись за моральный кодекс строителя коммунизма (полное перечисление всех заповедей в качестве наглядной агитации висело чуть ли не на каждом углу).

Трое якобы равнодушно прошли мимо главного и единственного входа, в душе испытывая нешуточное превосходство над толпой напрасно ждавших чуда звездострадалцев. Завернули за угол – и оказались на задах общаги, где было темновато и безлюдно. Окна тыльной стороны звездохранилища выходили на обширный двор, наполовину отведенный гаражам, а наполовину – стойкам с веревками, где жильцы ближайших домов сушили белье и расположилась детская площадка для самых маленьких. Маленьких на площадке не было ввиду позднего времени, и по той же причине все белье унесли по домам. Украсть бы его никто не украл, нынче это было совершенно не в моде ввиду возросшего благосостояния советских людей (о воришках белья Доцент читал исключительно в рассказах Ярослава Гашека, написанных еще до Первой мировой), а вот забавы ради подбухавшая молодежь с этим бельем непременно бы проделала немало веселых хулиганских штук. О чем мирное население прекрасно знало и меры предосторожности принимало заранее...

Остановились у высокого темного окна с закрытой форточкой. И действовали привычно ловко: Батуала первым кошкой взобрался на подоконник, толкнул форточку, ока-

завшуюся вовсе не запертой на шпингалет, а только прикрытой, головой вперед туда пролез, уперся руками в подоконник на той стороне и быстренько оказался там весь. Следом с тем же проворством последовал Доцент, принявший от Сеньки огнетушители. А там и Сенька к ним присоединился, заботливо прикрыв за собой форточку.

Они оказались в большой необитаемой комнате, где давным-давно собирались обустроить третью в общежитии ванную. Но, как частенько в Стране Советов случается, очередная великая стройка подзатянулась, там всего-навсего проложили трубы по стенам и потолку да свалили в углу матрешкой, одна в другую, несколько ванн и столько же раковин.

Дверь была заперта на внутренний замок, но троючку это ничуть не огорчало. Батуала вытащил плоский ключик – родной, от этого самого замка – и дверь тихонечко отпер. Всего и делов.

Это была их личная и персональная тайная тропа – не их троих, всей кодлы с улицы Ленинского Комсомола (или, как их было принято звать в городе, «ребят с Комсомола»). Ключ еще в прошлом году раздобыли девочки с третьего этажа, они же держали форточку не закрытой на шпингалет, а ключ от будущей ванной для этой процедуры регулярно брали у завхоза (завхоз был давным-давно совращен тем самым медицинским спиртом и на многое закрывал глаза), благо от кодлы получал бутылочку-другую и клятву, что персонально из его материальных ценностей, за которые он несет ответ-

ственность, и гвоздя не пропадет).

Тайная партизанская тропа успешно действовала второй год, до сих пор не проваленная воспитательницам (которых ласково звали «овчарки позорные»). Разве что зимой было чуточку напряжно – в верхней одежде в форточку не пролезешь, приходилось ее снимать и передавать внутрь первопроходцу. Однако особых неудобств это не доставляло, лишь диверсионный рейд затягивало на пару-тройку минут.

Старательно прислушавшись к тишине за хлипкой дверью, Батуала ее осторожненько приоткрыл на пол-ладони, прислушался снова. В коридоре первого этажа, наполовину нежилом, стояла та же тишина. Бдительность следовало соблюдать предельную: овчарки позорные не каждый день и не регулярно, но всё же частенько болтались по этажам, а то и в комнаты без стука щемились. Изловленным парням уголовное преследование не грозило, но выставляли их через главный вход беспощадно – под насмешки тех самых звездострадалцев. Ну а девочки попадали под тот самый усиленный контроль, о котором поется в одной из дворовых песен. Их троих пока что ни разу не заловили. Кроме их тропы имелось еще как минимум три – опять-таки трудами продажного завхоза проложенных через другие хозяйственные помещения первого этажа. Овчарки позорные во главе с начальницей общаги об их существовании давно подозревали – ведь как-то же «эта шпана» сюда регулярно проникает?! – но ни одной не засекли. Тайну почище Штирлица хранили все – и

девочки, и кодлы, и особенно завхоз – единственный, кому в случае провала грозили бы серьезные неприятности...

– Порядок, – сказал Батуала. – Лепота...

Они вышли в слабо освещенный коридор первого этажа нежилого крыла и на цыпочках двинулись к лестнице – бесшумные, как ниндзя, навстречу приятным приключениям.

Глава вторая

Ковбои на всем скаку

Они втроем сидели на невысокой ограде из железных трубок у высокого стеклянного фасада Главпочтамта и лениво наблюдали, как на той стороне улицы рабочие без огонька и стахановской прыти вешают на глухой торцовой стене дома новый портрет товарища Леонида Ильича Брежнева. Столь же лениво дискутировали, с какой стати вешают новый: Золотых Звёзд у Лёньки в последнее время не прибавилось (хотя ходили твердые слухи, что в декабре, к семидесятилетию, новую обязательно повесят), Маршалом Советского Союза он стал еще весной, но рисовали его всегда в штатском, без маршальской нашейной звезды. В конце концов сошлись на том, что к шестидесятилетию Великого Октября портрет понадобился новехонький – хотя и старый был не особенно потрачен непогодой.

Улица имени красного партизанского командира Щепочкина была одной из немногочисленных центральных (обком отсюда видно, красуется чуть наискосок от главпочтамта), и прохожих тут было много. Некоторые косились на троицу с легким недоумением, явно гадая, что это за парни такие и почему в их одежде присутствуют одинаковые детали (как они сами выражались, «инкубаторские»). Удивления,

конечно, не вызывали ни болгарские джинсы, ни последний визг аюканской молодежной моды – зеленые брезентовые куртки-штормовки, на спине, как положено, белой масляной краской наведены по трафарету разные картинки от ворота до пояса. У Батуалы – девичья головка, у Доцента – индейский вождь в роскошном головном уборе из перьев, у Сеньки – рожа рогатого черта и надпись на чистом английском: «Devil – my second Pilot»¹⁵. Английский они все учили в школе, но к нынешнему дню успели благополучно позабыть. Надпись появилась оттого, что в прошлом году Сенька с полгода ходил, деликатно выражаясь, со второкурсницей с иныза педа, она и подсказала, как это пишется. Солдатские ремни у всех троих тоже удивления не вызывали – они тоже были в моде, еще и из-за того, что здорово помогали в иных махаловках, а главное, ни под одну статью УК, в отличие от кастетов, не попадали.

(Здесь нужно уточнить, что ремни к ним попали путем нехитрого товарно-денежного обмена. Никто из них в армии не служил, согласно популярной поговорке «Армия – хорошая школа жизни, но лучше проходить ее дома». Мать у Батуалы работала главврачом той хитрой больнички, где лечат неопасные для жизни, но крайне неприличные болезни, пойманые теми, кому не повезло в любви. Благодаря чему обзавелась обширным блатом не только в медицинском мире – невезучими оказываются не только молодые ветрогоны, но

¹⁵ «Дьявол – мой второй пилот» (англ.).

и люди не просто в годах, а еще и с нехилым положением в советском обществе. Так что в свое время Батуала по твердым справкам оказался обладателем серьезной хвори, с которой и в нестроевую не берут. А заодно свет Полина Сергеевна, с детских лет Митю знавшая, устроила так, что его минус полторы диоптрии волшебным образом превратились в минус девять, что опять-таки избавляло даже от нестроевой. Что касается Сеньки, он от армии отвязался и без посторонней помощи – у него на левой руке с семи лет не было двух верхних фаланг безымянного пальца и полутора – мизинца (что его успехам у девочек нисколько не мешало – в конце концов, не ухо и не глаз. Случилось когда-то неудачное испытание четверкой первоклассников бомбочки из настоящего охотничьего пороха. Поскольку порох у отца стащил именно Сенька, он и стал главным испытателем – и именно ему досталось больше всех, остальных покорябало, но не так крепко.)

Легкое мимолетное изумление прохожих вызывало, несомненно, одно – на всех троих были офицерские рубашки фасона «навыпуск» (купленные через Наташку из «Военторга»), а в уголках воротников – эмблемы с петлиц и погон войск связи Советской армии (из того же источника). Это уже была не всеобщая мода, а профессиональный шик узкого круга почтарей – ну а ношение таких вот рубашек и эмблем опять-таки никаким законам не противоречило, ни военным, ни гражданским. Легонький выпендрож ребят, ра-

ботавшим под известным девизом: «Кто стебется в дождь и грязь? Наша доблестная связь!»

Те, кто достаточно часто получал телеграммы (а кто их из советских людей часто не получал?), без труда опознали бы их по казенным сумкам доставщиков телеграмм. Вот только сумки были не на самом виду – из черной кирзы, как и у почтальонш, но гораздо меньше, с большую книгу размером. Это почтальонши таскали свои чумалы на плече, а доставщики телеграмм, согласно тому же профессиональному шику, держали непременно в руках. Длинный ремень там имелся, но его обычно пропускали через петли сумки на два оборота, оставив ровно столько, чтобы удобно было держать в руке. Сумку носил через плечо только Крамарь, но Крамарь был скучным мужиком сорока с лишним лет, к тому же ездившим на велосипеде. Нет, мужик был вполне свой, но в глазах троицы персонаж второго сорта...

Ну, и мотоциклетный шлем висел у каждого на локте – что вообще никакого удивления ни у кого не вызывало: рокеров¹⁶ в городе не перечесть, а узоры на шлемах из кусочков синей изоленты красуются у каждого второго, не считая каждого первого, – мода, ага.

Вышли Зойка с Галей и направились к светофору, по пути помахав троице, на что получили в ответ три воздушных поцелуя. Вот в них и «Знатоки» не признали бы доставщи-

¹⁶ В те времена слово «рокер» означало не рок-музыканта, а заядлого мотоциклиста.

ков телеграмм – девушки есть девушки, убеждения насчет профессионального шика не разделяли, телеграммы носили в обычных сумочках. Вообще-то понять их можно – девушка, модно одетая и на каблучках, с казенной сумкой в руке смотрелась бы чуточку нелепо.

– Покажь еще раз, – попросил Батуала.

Доцент раскрыл на предпоследней странице юмористический журнал «Ойленшпигель» из братской ГДР, только что купленный в киоске на Главпочтамте. Из немецкого каждый из них знал с десятков широко известных слов вроде «хэнде хох!» и «шнель!», но в данном случае знания языка и не требовалось, не в языке тут было дело. Клятые братские гэдээровцы в каждом номере «Ойленшпигеля» печатали фотографию симпатичной девахи в купальнике – черно-белую, правда, но в советских журналах и такого не встретишь. Так что журналы из прочих братских стран в киоске залеживались, а «Ойленшпигель» уходит влет – не они одни были такие умные.

– Оба! – сказал вдруг Сенька.

Сунул Батуале свою сумку, Доценту шлем и вышел наперерез шагнувшей по краю тротуара белобрысой девице в коротеньком платьице, не без галантности заступил дорогу, мило улыбаясь. Батуала с Доцентом недоуменно переглянулись: ножки у девочки стройные, фигурка тоже ничего, но вот на личность была откровенно страшненькая.

– Девушка, можно спросить? – медовым голосом осведо-

мился Сенька. – Вы волосы красите?

– Нет, – сказала она, останавливаясь без всякого раздражения и глядя с этакой кокетливой надеждой на интересное продолжение разговора.

Сенька, включив обаятельную улыбку крайней степени накала, тем же голосом лисы из басни Крылова продолжал:

– А на голове?

До страшилки доходило медленно, но наконец дошло. Она прямо-таки залилась багрянцем, задрала носик, возмущенно фыркнула:

– Дурак!

И пошла дальше, всей фигурой выражая крайнее презрение. Батуала и Доцент согнулись от хохота. Подошел ухмылявшийся во весь рот Сенька, прокомментировал:

– Старый фокус, а до сих пор клюют...

– Когда как, – просмеявшись, сказал Доцент. – Я позавчера в скотовозе¹⁷ одну так же спросил, так она, выдра, глазом не моргнула. Посмотрела на меня, как Ленин на буржуазию, и выдала: «Это смотря где». И получилось, что это она меня опарафинила.

– Да уж, – сказал Батуала. – Тут сразу и не найдешь, чем ответить. Значит, знала хохму.

– Да уж явно... – кивнул Доцент. – Как маршруты на сегодня?

– У меня – ништяк, – сказал Батуала. – Парочку пришлось

¹⁷ Скотовоз – автобус.

местами поменять, зато крюков нет.

– Везет тебе, – хмыкнул Доцент. – А у меня – одна-единственная на аптечный склад, причем аж от Крутоярской. Это значит, из-за одного квитка километр туда, километр обратно.

– Это еще ничего, – грустно сообщил Сенька. – Мне из-за одной-единственной с окраины на «Вагонмаш» переть. Пять кэмэ туда, пять назад. Облезть можно...

– Ну дак... Снова с утра Никифоровна маршруты раскладывала, шкидла¹⁸ старая...

Батуала отозвался о Никифоровне матерно. Если уж не везло, то на раскладке телеграмм сидела эта старая шкидла, которой хоть кол на голове теши. Лорка маршруты подбирала нормально, а Никифоровна, хотя карта города висела у нее перед носом, дурковала постоянно: то разложит так, что придется перекладывать, иначе начнешь выписывать по маршруту петли, то подсунет такую, из-за которой приходится делать приличный крюк, то вообще положит адрес с одного участка на другой.

– Три года еще шкиdle до пенсии, – сказал Батуала уныло. – Придется терпеть. Сколько ни объясняй и в карту ни тычь, не понимает.

– Думаешь, мы еще на три года задержимся?

– Три года ж держимся. А чего? Работа знакомая, деньги хорошие, учиться никого не тянет, хоть рабочего стажа для

¹⁸ Шкидла – в данном случае мымра.

любого вуза достаточно... Чем не жизнь?

– Прав ты, кентяра... Ладно, погода хорошая, мотик под задницей. Для бешеной собаки семь верст не крюк. С «Вагонмашем» одно хреново: на той двухрядке хрен обгонишь какого-нибудь черепаха на длинном ере, если встречное движение густое. Придется за ним тащиться.

– Во-во. А еще...

Метрах в трех от них откинулась горизонтальная фрамуга высокого сплошного окна, показалась Лорка и жалобно звала:

– Мальчишки, что вы расселись? Костя, у тебя три срочных, у вас двоих тоже... Никифоровна на понос исходит.

– Лор, да ничего такого срочного, чтобы не успевали. Мы ж ковбои, сама знаешь. Крылатые ракеты «Першинг».

– Да знаю я... Только она, как всегда, воняет. Ноет, что докладную напишет. На фига оно вам?

– Ну скажи, мы пошли... – Батуала поднялся первым. – Полетели...

Они вошли в обширный зал Главпочтамта, свернули вправо, мимо киоска «Союзпечати», зашли в дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен» – они были не посторонние, и это грозное предупреждение их нисколько не касалось. Вышли на небольшой двор, где чуть подальше, у косога спуска в подвал, выгружали сданные в отделения посылки и бандероли трое знакомых грузалей, явно уже с утра глотнувших дозу.

– Семеныч! – рывкнул Доцент. – Что ты с почтовыми отправлениями советских граждан обращаешься, как бухой боцман с лядью? Аккуратнее спускай, вдруг там хрустала...

– Девку свою мацай аккуратнее, – огрызнулся Семеныч. – Хрустала к пересылке запрещены...

Настроение у него, как и у других, было явно злое – принятый хмель выветривался, а посылок и бандеролей оставалось еще полмашины. Так что грузали были прикованы к рабочему месту, в отличие от них, которым предстояло сейчас вырваться на городские просторы и выбирать любую сторону света по собственному усмотрению – ну, с учетом маршрута.

Они принялись неторопливо застегивать шлемы, повесив сумки на рули «сто шестых».

– Комиссар прется... – тихонько сообщил Сенека. – Точно говорю, Митька, сейчас опять пристанет, как банный лист к жопе...

– Вот и я так думаю, – сказал Доцент.

Подошел комсорг Батылего, как всегда, в костюмчике, при галстуке, папочке и комсомольском значке с украшением в виде золотого листочка по торцу флага и золоченой же плашкой внизу, на которой было написано «ЛЕНИНСКИЙ ЗАЧЕТ» (что-то это у них означало, но Доцент с Сенькой, как люди беспартийные, такой херней не интересовались). Как и подобает комсомольскому вожаку, демократично поздоровался со всеми за руку и – накаркал Сенька! – с ходу начал:

– Митя, Коля, в десятый раз спрашиваю... Вы в комсомол вступать собираетесь? Оба на хорошем счету, не считая отдельных мелких нарушений трудовой дисциплины, прогулов за вами вообще не числится, политически грамотные. Митя, я сам на прошлой неделе видел, как ты в киоске газету английских коммунистов «Морнинг стар» покупал...

Митя старательно сделал благонамеренно-задумчивое лицо. Не рассказывать же было комиссару, для чего он «Утреннюю звезду» покупал. А покупал оттого, что в крохотной заметочке на первой странице увидел знакомую фамилию – Беленко. Того самого, про которого вражий «Голос Америки» недавно клеветал, что он угнал в Японию новейший советский истребитель. Черт его знает, как там обстояло на самом деле, вражий голоса и соврать могут, а проверить нигде не проверишь – советские газеты и телевидение об этом молчали, как партизанка на допросе. Англичане это подтвердили – да, Беленко, да, новейший истребитель «МиГ-25», да, попросил в Японии политического убежища. Если подумать, получалось интересно и непонятно. Советские газеты молчат, а английским коммунистам о таком печальном факте писать можно. Поневоле вспоминается любимый роман Стругацких: «Доктору, значит, можно закладывать, а отцу Кабани, выходит, вредно. Нехорошо получается». А самое главное – английскую газету продают в киоске, расположенном через дорогу (если наискосок) от обкома партии. По недосмотру? Не бывает таких недосмотров. Скорее всего

оттого, что знающих английский в Аюкане – с гулькин нос. Тот, кто прочитает (как сейчас Доцент, напрягши память о школьном английском), трепать все равно не пойдет...

– Нужно же знать, чем английские трудящиеся живут, – подал Митя плечами.

– Вот я и говорю! – с большим энтузиазмом воскликнул комсорг. – Политически грамотные ребята, а не в комсомоле. Подумайте еще раз. Да хорошенько. Шестидесятилетие Великого Октября на носу...

– Револют Кириллович, – сказал Сенька с хорошо скрытой вкрадчивостью. – А это политически грамотно – про Великий Октябрь говорить, что он «на носу»?

У комсорга стало такое лицо, словно он полез под юбку симпатичной чувихе где-то в уютном уединении и вдруг качественно получил в ухо мозолистой рукой пролетария, которому там вроде и взяться было неоткуда.

– А? Ну да... Это я, Коля, оговорился нечаянно. Великий Октябрь скоро наступит – так будет правильно. А вы всё не комсомольцы.

– А мы достойны, Револют Кириллович? – с видом крайнего простодушия осведомился Доцент. – Нам и выпивать случается, и с девочками бывало всяко...

Комсорг машинально оглянулся и уверенно сказал:

– Но на людях, особенно в трудовом коллективе, вы ни в чем таком не замечены. Значит, меру знаете.

«Меру знает душа, – мысленно прокомментировал Ми-

тя. – А душа у нас широкая, как ворота в Кремле...»

Но вслух, разумеется, ничего не сказал – как и остальные. Комсорга Батылего здесь тихо презирали не только они, но и работяги гораздо старше. Был он бездельник, и был он патологический бездельник. По должности даже не комсорг, а освобожденный секретарь комсомольской организации – конторка достаточно крупная, ей именно такой и полагается. Который зарплату получает исключительно за секретарство. И добро бы хоть что-то делал – ну, скажем, собирал комсомольцев и идейно вдохновлял на новые трудовые подвиги в ответ на исторические решения очередного съезда КПСС. Можно было бы не только поржать про себя, но и на ножки Наташеньки Корнеевой полюбоваться – она на профсоюзных собраниях всегда садится у прохода и кладет ногу на ногу, так, что от мини-юбки остается один намёк. И в комсомоле состоит, но ввиду своего инженерского диплома сидит в конторе на третьем этаже и с пролетариями вроде них не пересекается, а когда пересекается, в упор не видит, стервочка.

Так и этого от Батылего не дожидаться! Сидит в кабинете и шуршит бумажками, как таракан на кухне. Батуала ведь говорил: за все три года, что он состоит на учете в тутошней комсомольской организации, ни разу не приключалось ни комсомольского собрания, ни иной идеологической вылазки. Можно еще припомнить, что по возрасту Батылего уже положено как четыре года из комсомолка автоматиче-

ски выбыть по достижении предельного возраста. Но у комсомольских вожаков явно какой-то другой предельный возраст: по местному телеканалу пришлось и первого секретаря обкома комсомола видеть, а по московскому – вообще первого секретаря ЦК ВЛКСМ – тот еще побогаче годочками будет, чем областной... Внуки, поди, есть. Ну а что сделаешь? Давненько, еще до того, как они сюда устроились, Батылего кто-то перекрестил в Бутыляку – в пьянстве на рабочем месте не замечен, но дома, говорят, оттягивается. Вот и вся критика снизу, какая в данных исторических условиях возможна...

Батылего еще добрых полминуты (показавшихся четвертью часа) вел среди них агитацию и пропаганду. Потом, слава те господи, слинял.

– Докопался, как червяк до редиски... – плюнул Доцент.

– Да взяли бы и записались, – сказал Батуала. – Один хрен делать ничего не надо. Вот я записан, и что?

– Ну уж, ну уж, на хер, на хер... – мотнул головой Сенька. – Из школы беспартийными выскочили, надо уж до конца дотянуть. Привыкли как-то... Будем и дальше Бутыляку терпеть, это ж не триппер...

Правила игры были давным-давно известны. Не только они трое, но и народ постарше (говорили, и всякие люди с высшим образованием тоже), промеж себя, особенно за пузырем, на все лады вышучивали и Лёньку, и КПСС, травили анекдоты, юморно переиначивали призывы, лозунги,

иногда материли отдельные исторические решения исторических съездов. На этом и останавливались. Шагнешь дальше – угодишь в диссиденты, а что они такое, никто, в общем, не знал. Хотя кое-что и до них долетало, не могло не долетать. Нес какую-то антисоветчину академик Сахаров – сослали в Горький. Писал какую-то антисоветчину писатель Солженицын – выперли из страны. Это-то все знали. А что конкретно нес Сахаров и писал Солженицын, выяснять никто не стремился – своих забот хватало. Персонально у них – мотоциклы, девочки и развлечения, а у тех, кто старше, – еще и дети, очередь на квартиры, дачи на шести сотках и прочие житейские хлопоты. Так оно и шло по накатанной: они притворялись, что верят партии, а партия притворялась, будто верит, что они верят. И обе стороны такое положение дел устраивало как нельзя лучше...

– Ну ладно, – сказал Батуала. – Понеслись, ковбои?

Он газанул, включил передачу и выехал со двора.

– Разбегаемся? – сказал Доцент.

– погоди, – сказал Сенька деловито. – Я тебе тут наводочку дам, не пожалеешь...

Он снял с руля сумку и вытащил поздравительную телеграмму – сложенный вдвое листок тонкого картона с цветной фотографией на одной из внутренних сторон – пышная ветка сирени.

– Заедешь и отдашь лично в руки, – пояснил он.

Митя недоуменно покрутил «поздравилку» размером

примерно с журнал «Веселые картинки», разве что гораздо тоньше. За три года работы он таких перетаскал вороха. Три разновидности таких вот больших и три поменьше, все с цветочками. Были еще всякие разновидности для «красных дней», но первое сентября в их число не входило, обходились цветочками. Все эти «поздравилки», вопреки строгим правилам Министерства связи, при отсутствии дома хозяев швыряли в почтовые ящики, не оставляя извещений, чтобы два раза не ездить. Расписывались за адресатов, каждый освоил десятка полтора разнообразных загогулин, время опять-таки ставили потом от фонаря. И не было случая на Митиной памяти, чтобы кто-то пришел и возмутился, что ему «поздравилку» не вручили лично в руки.

– Не пойму, в чем тут ребус, – сказал Доцент, пробежав две напечатанные на телетайпе строчки. – Аюкан, Буденного, шестьдесят восемь, Митиной Юлии Михайловне. Тетя поздравляет с близким началом нового учебного года, желает... ну, чего они все желают, успехов и всякого такого. А что им еще желать? Она, может, и горячо желает, чтобы племяшка никогда в жизни триппер не поймала, да кто ж такое на почте пропустит...

– Ты внимательней прочитай. – Сенька загадочно ухмылялся.

– А ну-ка... Что за хрень? «Вручить лично». В жизни не помню, чтобы на «поздравилках» такое ставили. На серьезных-то телеграммах редко попадается... – Он присмотрелся

взглядом профессионала. – Ага! «Вручить лично» на коротенькой ленточке напечатано, значит, отдельно и потом подклеено...

– Точно, – ухмылялся Сенька. – Я Надю попросил, а ей ничего не стоит, напечатала и подклеила. Врубается?

– Погоди-погоди, дай мозгами поскрипеть. Чувиха?

– И классная, – ухмыльнулся Сенька. – Доперло наконец? Езжай, вручай и знакомься. Для кента ничего не жалко, тем более ничейного...

– С началом нового... Сколько ж она кончила?

– Восемь. В девятый пойдет.

– Сенька! – с чувством сказал Доцент. – Ты что, с елки рухнул, башкой приложился? Получается, чувишке пятнадцать?

– С половиной, по точным данным разведки.

– А не один ли хрен? За нее ж сто семнадцатая полагается. И дело не в том, что до семи лет. А за сто семнадцатую еще в КПЗ раком ставят. С понтом, не знаешь, Катая не слышал, да и без Катая...

– Ты погоди, – сказал Сенька энергично. – Стой там и слушай сюда. Тебя ж никто не заставляет ее жарить, дураков нет. Ты ж сейчас без постоянной девочки. Вот и будет тебе на первое время заменитель. В кино сводишь, на танцы, в темном уголке к заборчику прислонишь и руки малость пораспускаешь. И под статью не попадешь, и будет чем заняться в свободное от работы, литробола и кошкобола время. Будешь

не первый такой и даже не десятый. Куча народу на таких целочках тренируется, а они и сами рады курс молодого бойца пройти с чувашами постарше. Тявый с Полканом и сейчас с такими ходят, сам должен знать.

– Ну, знаю. Ни хера в этом нет, но что-то в этом есть... А ты-то ее откуда знаешь? Не могло ж тебя просто так туда занести, от нас до Буденного не ближний свет. Ну ладно, ты ей уже телеграммы возил, надо полагать. А всё остальное из головы взял?

– Да не совсем, – сказал Сенька. – Между нами, мужиками... Уже три недели с ее соседкой хожу. И одноклассницей. Женечка с Буденного, шестьдесят шесть. «Переговорку» завез, она вышла. Потрепался да и подклеил, а она склеилась. Ничего так Женечка. На видок и все семнадцать дашь, как и этой Юлечке. И целоваться умеет, и не пищит особенно, когда ручки чуток подраспустишь. Мы с ней как-то у ворот стояли, тут эта Юлечка домой шла. Я и спросил у Женьки потом, как да что. Ни с кем конкретно не ходит, но кой-какой курс молодого бойца прошла. В наше с тобой время они этот курс в восьмом и проходили, а уж нынешние... И фотки смотрели, и разговорчики вели промеж себя насчет того и этого, и с одноклассниками обжимались. И портвешок уже пару раз пробовали, а уж курить – покуривают обе втихаря, как полкласса девочек.

– Заинтриговал ты меня... – искренне сказал Митя. – Сколько смотрел на Тявого с Полканом, самому в голову не

приходило... А молчал!

– Да вы бы с Батуалой первые начали подкалывать насчет лирики с романтикой. Как Тявого с Полканом подкалывали.

– А у тебя с этой Женечкой что, лирика с романтикой? – прищурился Доцент.

– Ну не так чтобы уж очень, – подумав, сказал Сенька. – Но что-то такое в этом есть. Вот ты сам прикинь, Доцент: когда подклеишь которую на танцах или на улице, о чем в первую очередь думаешь? Когда ее прижмешь в подъезде или в темном уголке?

– Тоже вопрос... – фыркнул Доцент. – Как бы ее, лапочку, побыстрее да половчее уложить.

– Вот то-то! – Сенька поднял палец. – А с такой, как Женечка, – ну абсолютно другие впечатления. Интересные, новые и сложные. Держишь ее в богатырских руках, нетронутую, и прекрасно воображаешь, что жарить ты ее никогда не будешь. Пока станет совершеннолетняя, много портвейна утечет... Возьмешь ее взасос, а она этак неопишимо трепыхнется, вся из себя невинная... Ох, кайф...

– А это не извращение? – фыркнул Доцент.

– Ни фига подобного! – серьезно сказал Сенька. – Я так думаю, годись мы им в папки или будь нам хотя бы лет по тридцать – вот это было бы извращение. А так... Как там кино называлось, на которое Лорка нас вытягивала со страшной силой? Ага, «Жизнь на грешной земле». Вот она самая – жизнь на грешной земле. Тявый с Полканом да мы с тобой

– это уже не извращение, когда народу много, это жизнь на грешной земле...

– Ну, ты меня-то заранее не плюсуй. Не факт, что мне ее подклеить удастся.

– Мить, не прибедняйся. С нашим-то жизненным опытом да такую вот не подклеить? Да как два пальца. И еще один плюс. Будь это чувишка наших лет, нам за нее кодла с Нефтебазы непременно бы попыталась рыло начистить. Буденного – это ж Нефтебаза, а там кодла неслабая. А за восьмиклассницу никто подписываться не будет, она ж как бы и ничейная считается. Это плюс?

– Это жирный плюс, когда речь идет о чужом районе... – задумчиво сказал Митя. – Вот так, значит? Гурман вы у нас, месё...

– Да ни хера подобного, – сказал Сенька. – Просто такие чувишки – особый кайф. Ну что, едешь?

– А пожалуй что, – решительно сказал Митя. – Хоть посмотрю, что там за принцесса на горошине...

– Если вспомнить такое кино – пожалуй что, та принцесса, которая со свинопасом взасос целовалась. Правда, там был не свинопас, а переодетый в него принц, но какая разница... Ну, по коням?

– По коням.

Они выехали со двора на одностороннюю двухрядку, повернули направо, встали у светофора. Когда зажегся зеленый, разъехались в противоположные стороны согласно

маршрутам, ковбои на всем скаку. Правда, в центре ковбоям особо не разогнаться – темновато, узковато, трехглазых¹⁹ понатыкано...

Центр Митя не любил – с точки зрения именно что двухколесного ковбоя. И за все только что перечисленное, и за то, что сплошь и рядом негде поставить мотоцикл, когда приезжаешь с телеграммой: повсюду «кирпичи» и «Остановка запрещена», «Стоянка запрещена». Частенько приходилось шагать пешком квартал-другой со шлемом в руке, как идиоту. (Оставишь его на руле – непременно упрут, шлемы в этом году из «Спорттоваров» пропали, ему пришлось месяц ездить в хоккейном, что гаишники скрепя сердце допускали – а потом гонять за ним за двадцать пять километров на родину, в Миусск. Вот там как раз шлемов хватало, и очередь за ними не выстраивалась. Загадочная всё-таки штука – советская торговля. В Аюкане обитает тысяч сто народу, в Миусске – чуть ли не вчетверо меньше. Значит, и по мотоциклистам примерно та же пропорция. Но в Аюкане шлема днем с огнем не найдешь, а в Миусске свободно бери хоть дюжину.)

Он в который раз мимолетно и привычно подумал, что и эта сторона жизни устроена глупо. У каждого из них лежало в кармане серое удостоверение с гербом СССР и тисненным золотом же МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР, гласившее, что предъявитель сего – доставщик телеграмм Главпочтам-

¹⁹ Трехглазая – светофор.

та (фотография с уголком и печать в наличии) и ему разрешен бесплатный проезд на всех видах общественного транспорта, исключая такси. Правда, из всех видов общественного транспорта имелся только автобус, но все равно, удостоверение было полезное. Вот уже три года как Митя забыл, что такое платить за проезд в автобусе. Вообще-то в удостоверении стояло «При исполнении служебных обязанностей», но чему это мешало? Формы они не носили, хотя форма им полагалась, как и почтальонам, но ни они, ни начальство ее в жизни не видели, да и почтальонши ее получали одна из десяти. Так что они всегда были при исполнении. Если попадался особо въедливый контролер, веско заявляли: «Я на работу», или «Я с работы», а то и просто хлопали себя по карману: «Я на работе, телеграммы здесь». Смотреть, есть ли телеграммы, контролеры права не имели – тайна переписки граждан гарантирована Конституцией СССР. Не прокатывало только тогда, когда кто-то из них ехал особенно бухим, а впрочем, и тогда частенько прокатывало: «Я с работы, день рожденья от-мумечали...»

Так вот, к этому удостоверению не помешало бы другое (или хотя бы бумажка с печатью), где говорилось бы, что при исполнении служебных обязанностей им разрешен проезд под запрещающие знаки. Однако надеяться на это было бесполезно: черт-те когда разработанные правила Минсвязи предусматривали перемещение доставщика исключительно на своих двоих, и про использование при исполнении лич-

ных мотоциклов (да и велосипедов тоже) ничего не говорилось. К великому сожалению...

В общем, с точки зрения пешехода, гулять по центру вечером что с девочкой, что в компании кентов было одно удовольствие. А вот с точки зрения мотоциклиста, к тому же не обычного, а озабоченного доставкой телеграмм, – совсем наоборот. Хорошо еще, что было этого центра – всего ничего. Даже не превышая дозволенную скорость, Митя уже через несколько минут выехал к огромному бетонному мосту, вздымавшемуся без всякой речки. Мост был сухопутный – один из двух виадуков, проходящих над железной дорогой. И отрезавший от города немаленький кусок – поменьше трети, но побольше четверти.

Вот тут можно было и дать газку – на малой скорости протяженный и крутой подъем брать было бы трудновато, так что подъем этот из тех редких местечек, где гаишников никогда не бывает. Ну а на спуске поневоле приходилось сбросить, не разгоняться особенно, выйдя на плоскость.

После центра Митя оказался как бы даже и в другом мире: три асфальтированные улицы на три десятка немощеных, застроенных частными домиками. Лишь на самой окраине примостилась пара девятиэтажек, десятка два пятиэтажек. Ну, и по мелочи: здоровенный двухэтажный универмаг из бурого кирпича, дворец культуры железнодорожников, с полдесятка разнообразных казенных контор, нефтебаза. Все эти объекты он должен был знать назубок – как, впрочем, и

все остальные в той части города, откуда он прикатил.

С четверть часа ушло на петляние по сложному маршруту – сложному не в смысле проезда, а оттого, что маршрут был зигзагообразен, петлист и требовал отличного знания «перекрестков». Вот, скажем, идут параллельно три улицы: Деникина, Врангеля и Колчака (позвольте уж молодому человеку пошутить мысленно чуточку антисоветски). Их пересекает перпендикулярная улица Юденича. Логично будет предположить, что дома всех трех улиц на пересечении с Юденича будут носить примерно одинаковые номера.

А вот вам! Как выражается не признающая ничего святого современная молодежь, за такие ласки кое-что вам в обои глазки. Хитрушка в том, что начало улиц, откуда начинается нумерация, у всех трех разное. Улицы разной длины. А потому, если на Юденича – Деникина угловой дом будет под номером семьдесят шесть, то на Юденича – Врангеля – сорок восемь, а на Юденича – Колчака и вовсе тридцать два. Это нужно помнить и учитывать, чтобы правильно подобрать маршрут, – и держать в памяти еще массу подобных хитрушек. Иначе будешь возвращаться, давать кругалю, тратить время, жечь бензин понапрасну или зря бить ноги – ну, и на зарплате обязательно отразится. С зарплатой у них обстояло хитро – советская власть кое в чем, по их единодушному мнению, поступала очень даже умно. Это почтальонши, прошагают они три километра или десять, получают при любом раскладе свои законные девяносто, иногда с мизер-

ной премией. Зарплата доставщика телеграмм – те же девяносто. Базовые. Начиная с определенного числа телеграмм зарплата идет по возрастающей, потому и получается, что ребята на мотоциклах, отлично знающие город, зарабатывают поболее среднего советского инженера. А уж в «хлебные месяцы»... Точных сумм советскому инженеру лучше не сообщать – затоскует, запьет, обзавидуется...

Эти четверть часа прошли стандартно – Митя трижды достучался до хозяев, четвертому, никого не застав дома, оставил извещение на стандартном бланке: вам, дорогой товарищ, пришла телеграмма, которую почтальон, не застав вас дома, вернул на телеграф, будьте любезны позвонить по такому-то номеру или явиться по такому-то адресу (иногда второй раз ездить не приходилось, клиент соглашался, чтобы ему зачитали телеграмму по телефону и оригинал не доставляли – почтарю она всегда шла в зачет). Десятка полтора, даже не озаботившись стуком, побросал в почтовые ящики – скучную мелочовку вроде «ваша телеграмма доставлена» или «поздравилку». За хозяев расписывался сам, выбирая что-то из набора каракулей, а время не ставил вообще – это делали по возвращении. И то, и другое правилами категорически запрещалось, но все так делали, начальству было начхать, скандалы возникали раз в сто лет, когда какой-нибудь особенно вредный и занудный тип (ну, или шкидла) собственной персоной заявлялся возмущаться, почему это его не достучались, а бесцеремонно кинули в ящик бесценную

депешу вроде «ваша телеграмма доставлена». Жалобщика вежливо выпроваживали, заверив, что нерадивого почтаря расстреляют завтра же на рассвете под барабанный бой или по крайней мере уволят путем выбрасывания с последнего этажа. Жалобщик уходил умиротворенный, а вызванный перед грозные очи начальства почтарь пожимал плечами и отвечал стандартно:

– Звонил (вариант – стучал) – не открыли.

– Смотри у меня! – грозило указательным пальцем начальство и отпускало с миром. Начальство не с Марса прилетело – происходило с той же грешной земли, жизнь понимало туго и само порой, прежде чем осесть в кабинете с телефоном, начинало с того же. Конечно, никого, как обещали жалобщику, увольнять и не думали – негоже из-за таких пустяков выгонять обученного, прекрасно знающего город спеца, нового придется натаскивать долго, что затягивало бы доставку (из того же профессионального шика слово производилось с ударением на первом слоге, по той же самой причине, по которой у моряков не «кóмпас», а «компáс», а у мусоров не «осуждённые», а «осужденные»). Ну, а жалобщик и понятия не имел, что угодил в «черный список» почтарей и, если ему еще раз придется (а кому не приходится?) столкнуться с услугами Министерства связи, жизнь его будет полна мелких пакостей. К примеру, до него никогда больше не достучатся, потому что его никогда не будет дома, и в почтовый ящик ляжет извещение, в котором по случайности за-

будут написать номера телефона Главпочтамта. И придется обормоту (ну, или обормотихе) тащиться за телеграммой самому, иногда с одного конца города на другой. И пусть потом доказывает, что он был дома. Есть и другие способы, не менее эффективные... Как правило, ни до кого из кляузников никогда не доходит, что он угодил в «черный список», имеющийся лишь в блокнотах почтарей, куда постороннему заглянуть не так просто – кто б ему позволил совать нос в чужие блокноты?

Вот теперь можно было со спокойной совестью ехать на смотрины на Буденного – как раз по маршруту, по пути...

Джультетта и Дея

Свернув на Будённого, он сбросил скорость и пошел на тридцати. На тихой улочке частной застройки не имелось ничего, хотя бы отдаленно похожего на уличное движение, но именно по причине вечного здешнего сонного царства собаки и кошки неспешно расхаживали, и ухом не поведя при виде машины или мотоцикла. Как собачник, собаку бы он в жизни не задавил, а вот ради кошаков, случалось в других районах, не считал нужным тормозить – и тут уж, если кошке не повезло, так не повезло, сама, дура, виновата. Вот только на улочках вроде этой приводилось соблюдать приличия – ему еще здесь работать и работать, многие его хорошо знали, и хозяева могли увидеть в окно, как почтарь сшибает зазевавшуюся кошку. Что непременно привело бы к ненужным конфликтам, пусть и мелким.

Ага. Вот он, шестьдесят восьмой. Прежде тут бывать не доводилось... Впрочем, нет, пару раз «поздравилки» швырял в ящик, соответственно, никого из обитателей дома не видел. Вот и посмотрим, что тут за гарна дивчина...

Поставив мотоцикл на подножку, он привычно загрохотал кулаком в калитку. Такая уж привычка у всех выработалась: ради экономии времени в квартиры звонить длинно, а в калитки стучать кулаком – как, должно быть, держались нагрывшие на явку гестаповцы. Иногда порой клиенты выска-

кивали всполошенно, подозревая черт-те что, а некоторые и вслух выражали неудовольствие, но эти эмоции почтарей трогали мало.

Ага, слышно, как в доме открылась входная дверь. Собака лениво брехнула пару раз и умолкла – тот еще сторож, судя по голосишку, из мелких.

Не соврал Сенька. Калитку открыла девчонка, и в самом деле выглядевшая на все семнадцать. И прехорошенькая, как чертенок, – темные волосы подстрижены под Мирей Матье, серые глаза очень даже красивые, ножки и фигурка на высшем уровне. И посмотреть есть на что – она явно донашивала дома примерно прошлогоднее коричневое форменное платьице. Сверху тесное, так что приманчиво обтянуло некоторые детали красоткина экстерьера (как выразился бы любой старый собачник), а внизу подол оказался таким коротеньким, что перещеголял моду на самые смелые мини-юбки.

Все это Митя вмиг срисовал, вовсе не шерудя взглядом. Только неопытные или особо наглые в таких случаях шарят по фигурке откровенным взглядом от ушей до пяток и в обратном направлении. Более опытные или более галантные высмотрят всё, глазами и не бегая. Как бармен из одного его любимого американского романа, впервые узревший подругу главного героя. Его лицо оставалось бесстрастным, как у деревянного индейца, но глаза не упустили ни одной подробности под легким жакетом. Примерно так.

Тактика тут наличествовала простая – подольше затянуть время общения. Если просто сунуть телеграмму и попросить расписаться, ожидаемого продолжения может и не получиться. Так что Митя, подпустив в голос официальной строгости, спросил деловито:

– Митина Юлия Михайловна здесь живет?

– Я, – сказала девчонка чуть настороженно. – А что случилось?

Почтарскую сумку он держал на виду, так что она сразу поняла – человек с каким-то делом.

– Да ничего, – сказал он тоном подушевнее и с легкой улыбкой. – Телеграмма вам, Юлия Михайловна, всего делов. Только вот какое дело... Видите пометочку: «Вручить лично»? Я при исполнении, а правила строгие. Просто так отдать нельзя первой встречной, – он чуть поиграл голосом, – даже такой красивой. Непременно документ нужен.

– Ой... – сказала она растерянно. – А у меня паспорта еще нет. Только в феврале выдадут.

– Ну надо же, – сказал он, сделав улыбку пошире. – А выглядите так, будто паспорт уже с годик как получили... Ну хоть какой-нибудь документик у вас есть? Где было бы написано, что вы и есть Митина Юлия Михайловна? Я б такой красивой на слово бы поверил, да ведь при исполнении...

Вот тут Юлия свет-Михайловна, окончательно убедившись, что имеет дело не с грозным посланцем каких-то неведомых инстанций, а с обычным почтарем, глянула не без ко-

кетства – дошло до нее два раза повторенное «такой красивой», да и глазами играть они с колыбельки учатся, феминочки. И явно смутилась чуточку – сообразила, что стоит перед незнакомым парнем в платьишке короче некуда, обтянувшем, как кожа сосиску. Митя взирал на нее просто-душно и открыто – ангел в тубетейке, если вспомнить название старой кинокомедии.

– А вот! – воскликнула она, просияв. – Свидетельство за восемь классов пойдет?

– В лучшем виде, – сказал Митя. – Серьезный документ, оформлен солидно, так что вполне сойдется. Несите.

– А вы подождете? Я быстро, помню, где лежит...

– О чем разговор? – сказал Митя. – Мы при исполнении, нам положено.

Она быстро пошла в дом, взбежала к двери. Митя смотрел ей вслед уже без всякого простодушия: крыльцо было высокое, платьице коротенькое, а ножки – загляденье. Подмигнул лежавшей у конуры все так же лениво рыжей собачонке, и в самом деле оказавшейся невеличкой, сказал негромко:

– Вот такие дела, кент. Или ты кентуха? Отсюда не поймаешь...

Собачонка лениво стукнула хвостом по земле и прикрыла глаза.

Юлечка вернулась быстро, держа напоказ зеленую книжечку с черным гербом РСФСР и черными надписями:

– Вот...

Митя, с деловым видом хмурясь, взял у нее книжечку и раскрыл:

– Все правильно. Митина Юлия Михайловна. Убеждает. Ай-яй-яй... – Он с преувеличенной озабоченностью покачал головой. – Надо же...

– Что-то не так? – спросила она.

– Да нет, что касается документа – он убедительный. Я про оценки. Русский язык, литература, – история и еще многое – пять, в скобках «отлично». И по пению пятерка. Хорошо поете?

– Говорят, ничего, – сказала она с ноткой кокетства. – И музыкальный слух есть.

– И по физре пятерка... На какие-нибудь кружки ходите?

– Я на художественную гимнастику хожу. С третьего класса.

Ага, отсюда и фигурка отпадная. Сводила его судьба с художественными гимнасточками, да и одноклассница одна была...

– Где не пятерки, там четверки, – продолжал Митя. – А вот с математикой полный завал: и по арифметике, и по геометрии, и по алгебре – тройки, в скобках «посредственно». Всю картину портят. Что ж вы так, Юлия Михайловна?

Очень похоже, что она уже поняла: пошел не деловой разговор, а легкий трёп, но, что характерно, не имела ничего против. «Мы люди взрослые, жизнь повидавшие и в меру циничные», – подумал Митя. Старшекласснице внимание со

стороны взрослого парня – только в кайф. Если, конечно, он не бухой и не хамит, а самую чуточку заигрывает. Сама глазами чуток поиграла, лапочка на стройных ножках...

– Ну не идет у меня все это, – сказала она без особого раскаяния. – Гуманитарное всё идет, а эта физика...

– Ну, не переживайте, – сказал Митя. – У меня по алгебре в седьмом классе двойка в четверти была, и по математике с физикой...

– Seriously?

– Ага. Причем все три – за одну четверть.

– Лихо, – сказала Юлечка.

– А то! – воскликнул Митя. – Тьфу ты! – Он сделал вид, будто спохватился. – Дела ж прежде всего... – Он снял скрепку, прищипившую квитанцию к телеграмме, повернул расписку чистой стороной вверх. – Я сейчас букву и серию аттестата запишу, так уж полагается...

Ни фига так, конечно, не полагалось. Задача была та же – максимально затянуть время общения. Тем более что девочка ничуть не протестовала и нетерпения не выказывала – ну конечно, наверняка дома одна, скучно, по телевизору до вечера ничего интересного...

Он старательно записал карандашом букву «Ф» и шестизначный номер. Стереть потом – две секунды. Тут только Юлечка сказала, но не с подозрением, а с легким недоумением:

– Папа с мамой столько раз телеграммы получали, и без

всяких документов...

– И наверняка без пометки «вручить лично»?

– Ага. Первый раз такую пометку вижу...

– Ну вот, – сказал Митя авторитетным тоном. – А коли уж отметка есть – правила надо соблюдать... Расписывайтесь вот тут... нет, время ставить не обязательно, я сам потом поставлю. Вот телеграммка, владейте.

– Поздравительная... – сказала Юля с легким разочарованием – ну да, после столь бюрократической процедуры явно ждала чего-то более важного. – Тетя Аля сто раз такие присылала, и их всегда в ящик бросали... Что она вдруг?

– Вам лучше знать, – пожал плечами Митя. – Может, хотела, чтобы вам непременно из рук в руки вручили, торжественности ради. Первое сентября на носу, праздник...

– Ой, да какой там праздник... – протянула она с ненаигранной тоской.

Ну, понятно. Мы в ее возрасте были точно такие же, да и помладше – с теми же мыслями. Первое сентября только для первоклассников – церемония незабываемая, а для всех прочих... После летнего безделья – снова за парту, зубрить-проходить, двойки хватать... Вот и Юлечке это не в кайф – лето красное пропела, как та стрекоза из басни, порхала вольной пташечкой, на танцы бегала, в кино, с подружками общалась, с одноклассниками целовалась. И вот теперь извольте снова за парту, Юлия Михайловна, учить, как образ Андрея Болконского танцевал на балу с образом Наташи Ростовской, когда

их образ Пьера Безухова познакомил. Нет, «Войну и мир» они в восьмом классе прошли, как все мы, грешные, но мало ли будет других образов?

– Все равно красиво будет, как сейчас помню, – сказал Митя. – Цветов море, учителя по-доброму улыбаются один раз в году, на людей похожи, а не на машинки для штамповки двоек и колов... Девочки все в белых фартучках... – На сей раз он, не скрываясь, смерил ее многозначительным взглядом, но как раз сейчас именно такой взгляд по ходу пьесы и требовался. – Представляю вас, Юлия Михайловна, первого сентября – в белом фартучке, с кружевным воротничком, с комсомольским значочком, чуток дозволенной косметики... Серёжки уже можно... Да, и манжетки белые, и цветы в руках... Жалко, я эту очаровательную картинку не увижу.

– Пошляк вы, – сказала Юля без тени раздражения, снова чуть поиграв красивыми серыми глазищами.

– Да ну, – сказал Митя. – Тонкий ценитель прекрасного... Значит, в девятый? Поступить будете?

– Ага. Родители настаивают, чтобы я в вуз пошла. У мамы только техникум, а у папы вообще восьмилетка, он шоферит. Вот и хотят, чтобы я вуз закончила, чтобы стала в родове первой с высшим образованием...

– Родители – они такие, – сказал Митя. – По себе знаю.

– А интересно, вы учитесь и вот так подрабатываете? Или работаете постоянно?

– Правда, интересно, мисс Джульетта?

– Кто? – подняла она красивые бровки.

– Ну, вы ж английский учите... На англише Юлия и будет Джульетта.

– Джулия, – поправила она.

– Ну, все равно, по-итальянски – Джульетта. А вам идет. Видели кино «Ромео и Джульетта»?

– Видела, – сказала она с налетом мечтательности. – По телевизору и недавно.

– Много потеряли, мисс Джульетта, – сказал Митя искренне. – По телевизору, да черно-белому... Вот цветной и широкоэкранный – это вещь. Смотрел я его четыре года назад, до сих пор цепляет...

– Ага, я слышала, фильм в цвете и на широком экране отпадный. Только четыре года назад я совсем маленькая была, а он шел «детям до шестнадцати»... Оказалось – ничего такого, – она на миг отвела взгляд. – Только раз они в постели, и то очень красиво снято, никаких пошлостей... Жалко, я тогда маленькая была...

– Ну, сейчас-то вы – ох и ах... Разбиваете, поди, одноклассникам сердца по дюжине в неделю?

– Ну вы скажете! – воскликнула она с насквозь деланным возмущением.

Всё. Картина Репина «Приплыли». Разговор, порой умело Митей направлявшийся, достиг точки, за которой плавненько переходил в иное качество.

Он и перешел. Минут через десять Митя отъезжал от Бу-

денного, шестьдесят восемь, в самом радужном настроении. Где-то на середине болтовни незаметно перешли на «ты», а в конце Юля, она же Джульетта (ничего и против такого обращения не имевшая), согласилась пойти с ним послезавтра в кино, на последний сеанс в Дом культуры автоколонны. Там снова показывали «Всадника без головы» – Митя его видел два раза, но с удовольствием посмотрел бы и в третий, а Юля, как оказалось, не видела вообще. Очень подходящий фильм, чтобы вести на него девочку, особенно такую вот нетронутую, – и любовь есть, и роковые страсти, и пейзажи красивые. Одно плохо, с его точки зрения: не те времена в фильме, чтобы главная героиня светилась в купальнике. Это, конечно, жирный минус.

Он быстренько обдумал кое-что с практической точки зрения. В этом ДК последний ряд, пожалуй, самый удобный среди всех аюканских киношек – для тех парочек, что пришли не только фильмом полюбоваться. Не зря билеты на последний ряд там нужно покупать с утра, иначе разберут. Однако Юльку на последний ряд пока что сажать рано – с ней не стоит гнать лошадей, тут нужно не спеша, мелкими шажочками, а то спугнешь раньше времени...

Он остановился у небольшого деревянного магазинчика – купить сигарет, не рассчитал как-то и нетронутую пачку в сумку не положил. Наплевать, магазинов с сигаретами тут была куча. Взяв «Стюру»²⁰ и выйдя на улицу, прежде чем

²⁰ «Стюра» – болгарские сигареты «Стюардесса».

нахлобучить шлем, позвал:

– Девушка, а девушка!

– Что? – обернулась неторопливо проходившая мимо девочка.

– У вас ножки, как у моей кошки...

– Дурак, – сказала она беззлобно и пошла дальше.

Правильная была девочка – обижаться на эту старую мелкую подколку как-то и не полагалось. Да и Доцент всерьез к ней клеиться не собирался – некоторые вещи происходили прямо-таки на автопилоте, чтобы постоянно держать себя в тонусе. Наше дело – зацепить по мелочи, их дело – легонечко огрызнуться и пройти мимо, правила старой игры знают все...

Пачку он, как обычно, распечатал на свой фирменный манер – не надорвал широкую ленту-бандерольку, а старательно отодрал фольгу примерно с трети торца пачки, возле бандерольки. (Стреляя у него как-то сигарету, Карпуха фыркнул: «Доцент, если пойдешь кого убивать, табачок не бери. Если оставишь пустой такую вот пачечку возле жмурика, мы тебя мигом по ней вычислим».)

Проехав два квартала, остановился. Не просто хорошее место для перекура – такое, где можно сочетать приятное с полезным. Улица тут кончалась, упираясь в громадный пустырь, на котором явно собирались возводить новый микрорайон: прорыли несколько канав, несомненно, для труб, подогнали парочку экскаваторов, забили изрядно колышков

с натянутыми ленточками, судя по размерам отмеченного пространства, предназначавшихся, чтобы отметить будущие котлованы для фундаментов.

Крайний дом справа оглашал улицу музыкой. Как водилось в обычае в частном секторе, кто-то из обитателей присобачил на забор у ворот выкрученный из радио динамик, подключил его к магнитофону и теперь давал бесплатные концерты округе. Округе протестовать не полагалось – лишь бы не орало очень уж оглушительно и исключительно до двадцати трех ноль-ноль, как предписано правилами. Взрослые таким не баловались – так что там, сто процентов, жил кто-то чуть постарше или помоложе Доцента.

Заглушил мотор, издали услышав знакомую музыку, сопровождавшую ритмичные удары тарелок. Закурил и в со-тый, наверное, раз с удовольствием слушал шлягер танцплощадок этого лета – песню из фильма «Генералы песчаных карьеров». Слова были насквозь незнакомые – кто бы в Аюкане знал португальский? – но за душу брали, как и мелодия, растекавшаяся, как река, широкая и спокойная, над вечерним морским берегом – Митя, как все, прекрасно помнил кадры, с которых фильм начинался под песню. И, как все, в который раз не мог найти ответа: в самом деле в песню на португальском вставлены русские словечки «сибирский зэк» или это совпадение?

Если слушать сто раз и попытаться передать на русском, получалось примерно следующее:

Меня жангада пать паит,
трума...
Бест веше ле,
ло бов разбе
Юр компанейро барле ка,
о ка...

Будь это английский, в конце концов с грехом пополам справились бы, но знающих португальский нет и в инязе... Смастеривший динамик неведомый меломан песню, конечно, подцепил там, где и они трое, – в кино. Пластинок с ней в продаже еще не было, фирма «Мелодия» раскачивалась долго, и журнал «Горизонт» не спешил. Вот и пришлось действовать испытанным методом: приходили в кино с магнитофонами на батарейках – во второй раз, чтобы точно знать, когда начнется песня, на каких кадрах. Заранее, на пару минут, включали маг и, когда песня должна была вот-вот зазвучать, снимали с паузы, поднимая перед собой прилагавшийся к магнитофону микрофон на проводе. Простенько и эффективно. Звук с экрана был такой сильный, что записывалось отлично. Вот и расхаживала потом вечерком по городу молодежь с магами, из которых неслись шлягеры – «Генералы», «Золото Маккены» и из многих других фильмов, по вкусу владельца магнитофона.

Вслед за песней из «Генералов» завопил какой-то ему совершенно незнакомый импортный ансамбль, ничуть не по-

направившийся. Доцент завел мотор и поехал себе дальше, на пустырь, чтобы, миновав его, забросить предпоследнюю телеграмму на аптечный склад, ту самую, из-за которой стараниями дуры Никифоровны пришлось делать крюк в километр, а уж потом кинуть в Общество слепых.

Едва он оказался на пустыре, движок засбоил, чихнул пару раз и замолк намертво. Симптомчики были насквозь знакомые, так что Митя отнесся к происходящему философски. Не размениваясь на маты-перематы, поставил мотоцикл на подножку, вытащил из сумки с инструментом два гаечных ключа и отвертку. В два счета свинтил карбюратор, отвинтил толстый коротенький болт внизу, отверткой выкрутил жиклер – пузатенький винтик золотистого цвета с отверстием чуть пошире волоска. Посмотрел его на свет, покривил губы: старый, прекрасно знакомый диагноз: соринка попала. И лечение моментальное – продуть жиклер и поставить все на место. Да еще матернуться лишний раз в адрес неведомого хозяйственного типа, который спер фильтр, пока Митя торчал в магазине. Фильтр – всего-навсего круглая сеточка из тонкой проволоки, ничем не закреплен, вставляется в горловину бака. А крышка бака не запирается, отвинтить ее – вмиг. Кто-то отвинтил, спер фильтр, завинтил крышку и затерялся в неизвестности. А обнаруживаешь такую покражу не раньше чем вновь станешь заправляться – по другой необходимости никто крышку не откручивает. Мелочовка, а поди найди в «Спорт-товарах»...

Движок, как и следовало ожидать, завелся с полпинка. Ну, Митя и рванул со склада по прямой на Крутоярскую, к Обществу слепых. За три года он тамошний адрес усвоил прекрасно: телеграммы на общество так и шли – Крутоярская, сорок восемь, Общество слепых. А загадочное для постороннего «Крутоярская, сорок восемь, дом 2» означало стоявший за главным зданием, невидимый с улицы двухэтажный кирпичный домик на восемь квартир, где жили преподаватели – и из слабовидящих, и совсем незрячие. У слепых была своя школа, конечно, с весьма облегченной программой, вовсе исключавшей те предметы, где требовалось писать, чертить, разглядывать таблицы или схемы.

Жительницу третьей квартиры, куда телеграмма адресована, он давно знал – Анна Фёдоровна Градова, добродушная тетушка предпенсионного возраста, телеграммы получавшая часто. С потерей зрения процентов на пятьдесят. Зимой не раз поила его чаем (как поступали многие понимающие люди в частной застройке), что в морозы было очень полезно. Попутно болтали за жизнь. Только два пунктика у нее было – то уговаривала поступать в институт, то жениться – вообще-то уговоры взаимоисключающие: тяжело было бы студенту содержать жену на стипендию...

Судя по незнакомой фамилии-имени-отчеству и содержанию телеграммы, тетушка там больше не жила. Но что с ней, Доцент не знал – с месяц ей телеграмм не было. Либо вышла на пенсию и уехала к дочке в Манск, как давно планировала,

либо... Нет уж, о втором варианте думать не хотелось: крепкая была тетушка, без хронических хворей. Но мало ли что с людьми случается...

Он въехал в ворота, распахнутые днем и ночью, на малой скорости обогнул главное здание, подкатил к знакомому домику. Тишина и безлюдье – слепые по обширному асфальтированному двору обычно не разгуливали, очень уж легко было потерять ориентацию. По бетонной лесенке в пять ступенек поднялся на первый этаж, требовательно, как обычно, на тот же гестаповский манер, надавил кнопку звонка. В квартире послышалось насквозь знакомое «крулы-курлы» музыкального звонка, а там и довольно уверенные шаги.

Дверь открылась, и Митя форменным образом в землю врос.

Такая открыла дверь, такая... Постарше его лет на несколько, но вряд ли намного, в коротком красном халатике без пуговиц, с широким пояском, завязанным бантиком, с короткими рукавами. Светлые с рыжинкой волосы гораздо ниже плеч, зеленые глазищи – отчего-то зеленоглазые ему в жизни попадались редко, а уж с такими глазищами цвета яркой весенней травы... Красивая – обалдеть. Фигурка идеальная, а уж высоко открытые куцым халатиком ножки... «Русалка», – подумал он восхищенно. Русалки такими и должны быть, если они все же есть...

Кое-какие наблюдения моментально пронесли у него в голове. Три года сюда ездил, слепых навидался и ошибиться

не мог, взгляд у нее был характерно невидящим, как почти у всех здесь. Один существенный нюанс: у родившихся слепыми женщин, пусть и красивых, в лице обязательно присутствовал некий трудно описуемый словами, но прекрасно знакомый наметанному глазу дефект. Которого в данном случае не наблюдалось. Но она безусловно слепая, и крепенько: в глаза ему не смотрит, уставилась куда-то сквозь него, халатик на груди изрядно распахнулся, а она его не приводит в порядок. Жалко: такая отпадная девушка, и слепая...

Он, конечно, от такой красоты немного прибалдел, но язык не отнялся – не школьник, в конце-то концов, всяких повидал. Спросил сухо-профессиональным тоном, как обычно:

– Каразина Марина Олеговна здесь живет?

– Это я, – ответила она.

Голосок был приятный, под стать остальному.

– Вам телеграмма, – сказал Митя и добавил обычное для этого места присловье: – Вам почитать?

– Да, пожалуйста, – сказала она спокойно.

– «Прибыл контейнер, транспорт предоставляется. Товарный кассир Данилова».

Он в глаза эту Данилову не видел, но три года знал заочно – все телеграммы насчет контейнеров за ее подписью шли.

– Ну наконец-то! – радостно воскликнула зеленоглазая Марина. – А я вещи жду-жду...

– Вам ведь телеграмма понадобится, – сказал Митя. – Вот,

возьмите.

Тоже привычно коснулся уголком телеграммы ее пальцев на правой руке – обручального кольца нет, ага – и девушка с явной сноровкой, на ощупь, сложенный вчетверо бланк взяла. Кое-какой навык слепой жизни имеется... Ну, мало ли от чего вполне здоровые люди слепнут...

– Значит, теперь вы здесь живете?

– Теперь я.

Митя спросил с искренним интересом:

– А что с Анной Федоровной?

– Вы знакомы?

– Я ей три года телеграммы возил, – сказал Митя, – Что с ней?

– Она на пенсию вышла, поехала к дочери в Манск.

Митя облегченно вздохнул:

– Ну вот и ладушки. А то ведь всякое думалось... Хорошая тетушка. Чаем меня частенько поила, за жизнь разговаривали...

Марина сказала:

– Чаем и я вас напоить могу. Радостную весточку привезли, я неделю ждала... У меня как раз чайник вскипел. Вы не торопитесь?

– Это я удачно зашел, – процитировал Митя героя кинокомедии. – Да нет, никуда не тороплюсь. Ваша телеграмма была последняя, у меня смена кончается...

– Захлопните. – Она посторонилась.

Входя в крохотную прихожую, Митя оказался с Мариной совсем рядом. Духами от нее пахло приятными, а уж подрастпахнувшийся на груди халатик на дистанции ближнего боя являл собою зрелище крайне эстетическое. Надо бы ей сказать про халатик, но неловко как-то...

Прихожая была пустехонька – ни знакомого зеркала, ни вешалки, ни разноцветного половика, вязанного из толстой шерсти. И комната, он отсюда видел, решительно переменилась: только тщательно застеленная кровать, железная, казенного вида, как те, что когда-то стояли у них в пионерлагере, на полу подключенный к розетке магнитофон, в точности такая, как у него, «Весна-06», со стопочкой кассет рядом, да на крючке, на вешалке, короткое джинсовое платице. Самого что ни на есть излюбленного парнями фасона: на пуговицах сверху донизу, если не торопиться, можно качественно устроить то, что, как рассказывал Катай, на зоне у них называлось «сеанец делать»²¹.

Кухня обставлена столь же спартански: типичный столик из столовки – бледно-зеленая пластмассовая крышка, на тонких черных железных ножках-трубках, два таких же стула. На подоконнике, на железных подставках – сковородка и кастрюля, третья, пустая, явно предназначалась для стоявшего на плите чайника. Пара чашек, какие-то кулечки...

– Вы садитесь, – сказала Марина, довольно уверенно двигаясь по кухне, ставя на стол чашки и высыпая на блюдечко

²¹ Сеанец делать – медленно раздевать женщину догола (*уголовн.*).

конфеты из одного кулька. – Завхоз всего принес по два – стулья, чашки, в расчете на гостей. Только гостей пока что не было – тут с этим проблемно чуточку... Вас как зовут?

– Митя, – сказал Митя.

– А меня... Ой! Что это я... Вы же меня называли по фамилии-имени-отчеству... Марина.

– Красивое имя, – сказал Митя. – Вот только вам как-то не вполне соответствует.

– Почему?

– Марина – это ж значит «морская». К синим глазам идеально бы подходило, а у вас зеленые... но все равно красивые.

Она тихонько рассмеялась:

– Митя, похоже, вы никогда на море не были... А я с родителями два раза была в Ялте. Море часто как раз зеленое...

– Не бывал, не знаю... Буду знать теперь.

– А такой вот нескромный вопрос... Вам сколько лет? У вас голос молодой.

– Что ж тут нескромного? – сказал он. – Это женщинам такой вопрос задавать нескромно... – И для солидности, что ли, решил прибавить годочков. – Двадцать два.

– Учитесь и подрабатываете?

Митя про себя усмехнулся: сто раз слышал такой вопрос от самого разного народа. Вот только за все три года не было у них ни одного студента, пришедшего бы подработать. И студенток тоже, что чуточку печально...

– Да нет, – сказал он. – Постоянно работаю. На учебу не то чтобы не тянет, просто-напросто решительно не представляю, куда пойти, куда податься...

Вообще-то у этой поговорки было и окончание: «...кого найти, кому отдаться?» – но сейчас оно не годилось.

– А это не скучная работа?

– Марина, вовсе даже наоборот!

– У вас в голосе словно бы и восторг даже...

– А почему бы и нет? – сказал Митя. – В жизни бы не смог как пришитый с восьми до пяти у станка стоять или за столом сидеть. Жизнь очень вольная – каждый день новый маршрут, никогда не повторяется, кучу разных людей встречаешь, кучу интересного узнаешь, а платят побольше, чем инженеру.

– Понятно. Женаты, наверное?

– Бог пока миловал, – сказал Митя. – Я еще молодой и несерьезный, куда мне на такое сложное предприятие подписываться...

Марина засмеялась:

– Ага, у мужчин вечно одно и то же: молод, несерьезен, не нагулялся... Вы на мотоцикле ездите? Когда вы вошли, стукнуло, словно шлем на стол положили. И бензином от вас пахнет.

Бензином от него должно было пахнуть самую чуточку – когда снимал карбюратор, пара капель, как всегда, попала на штормовку. Ну, он и в книжках читал, и за три года поездок

сюда усвоил: у слепых словно бы в компенсацию за отсутствие зрения осязание и обоняние резко обостряются...

– Ага, – сказал он. – На мотоцикле.

– А на каком?

– «Эм – сто шесть». «Минск».

– А мы на «сто пятых ездили», – сказала она, словно бы погрустнев. – Любила полихачить... вот и долихачилась... Ладно, я сейчас чай разолью.

Митя промолчал. В другой обстановке непременно завел бы разговор о мотоциклах, а особенно о преимуществах «сто шестого» над устаревшим «сто пятым», но сейчас обстановочка не та...

Заварку Марина разлила ловко – и чашки наполнила сноровисто. Разве что чуть недолила, явно предпочитая недолить, чем перелить. Интересно, как она вслепую заварку отмеряет? Хороший получился чай, крепкий, да и качественный – судя по вкусу страстного чаехлеба, не грузинский крошенный веник, а индийский, со слоником на пачке.

– Вы курите, если хотите, – сказала Марина, усаживаясь напротив. – Вы ж курите, от вас табаком пахнет... Я тоже покуривала, а потом бросила, уж год с лишним. Понимаете, Митя... Когда... когда не видишь, никакого удовольствия от табака. Пепельницы нет, вот блюдечко. Может, мне тоже попробовать?

– Дело хорошее, – сказал Митя.

Достал еще одну сигарету, коснулся ею пальцев Марины,

поднес свою роскошную газовую зажигалку. У них у всех были такие, могли себе позволить. Это Крамарь, обремененный супругой и двумя короедами-старшеклассниками²², узнав, что их зажигалки стоят аж девять рублей, качал головой и уныло бормотал: «Деньги вам девать некуда, молодым...» И прикуривал от спички «Приму», «Туриста»²³ своего убогого. Нет уж, не дай бог так жить, лучшие уж холостяками походить подольше...

Дым Марина выпустила умело, не закашлявшись, но, сделав пару затяжек, грустно покривила губы – ах, какие губы, не пачканые помадой! – погасила сигарету в блюдечке:

– Нет, никакого удовольствия, когда не видишь дыма... Я хорошо потушила?

– Идеально, – сказал Митя. – Ни искорки. Значит, вот так неделю сидите?

– Ага. От скуки стервенею. От лютого одиночества. Придет телевизор, можно будет хоть его слушать, а пока только магнитофон. Кассеты старые, я их по десятому кругу переслушала... И что они так тянули? Я думала, два-три дня идти будет...

– Так ничего удивительного, – сказал Митя с большим знанием вопроса. – Вам кто вещи отправлял?

²² Короед – ребенок (применительно к женатым или замужним).

²³ «Турист» – обиходное название сигарет «Памир», самых дешевых, десять копеек пачка, без фильтра. Были прозваны так за картинку: горы, человек с палкой и рюкзаком, явный турист.

– Дядя.

– Ох, пардон, не в вопросе ваш дядя... Заказал бы контейнер, на машине – и он, чего доброго, вас бы обогнал, пока сюда ехали. Платить за двадцать пять кэмэ – не такие уж большие деньги. А железкой – это долго. В Миусске, сами должны знать, ее нет, станция от города километрах в пятнадцати. Пока на станции торчал, пока грузили на платформу, пока дошлепал... Вот и получается неделя. Когда мы четыре года назад переезжали, матери как раз и посоветовали с железкой не связываться, машину заказать. Матери на работе «газик» дали, мы до Аюкана быстренько доехали, а контейнер уже через час пришел.

– Кто же знал... Подождите, так вы из Миусска? Земляк?

– Есть такой роман – «Двенадцать стульев»...

– Я читала. И кино в семьдесят первом застала.

– Ну, тогда должны помнить, как людоедка Эллочка говорила: «Хо-хо!» Хо-хо! Не просто миусский, а «запроточный».

– Ой, и я тоже! – удивленно воскликнула Марина. – Надо же...

Что-что, а такие словечки были прекрасно коренным жителям знакомы. Специфика старинного городка Миусса, основанного еще при Петре Первом, ну, исключительно как деревня, однако в сравнении с Аюканом все равно – седая старина. Протекавшая через Миусск река названия не имела и в документах значилась как «Протока реки Аюкан», а в

обиходе – просто Протока. Правобережная часть с историческим центром, многоэтажками, построенными еще в конце девятнадцатого века, знаменитыми драмтеатром и музеем, асфальтированными улицами и прочими приметами цивилизации всегда именовалась Городом. Так и говорили: «Пойти в город». Хотя и требовалось всего-то по мосту пройти метров двести. А левобережье всегда было Запроточьем. Примерно треть города застройка в основном частная, так что Митино детство крайне походило на деревенское – коровы и свиньи во дворах, табунки кур, меченных разноцветной акварельной краской, немаленькое стадо гусей, пасшихся на пустыре возле турбазы...

– А вы где там жили? – с нескрываемым любопытством спросил Митя.

– На Горького, совсем рядом с Аюканской.

– Это со стороны стадиона или уже через дорогу?

– Со стороны стадиона, возле сорок пятого магазина.

– Ё-моё! – с неподдельным чувством сказал Митя. – А мы – на Свердлова, в квартале от стадиона. Это ж от нас до вас – рукой подать получается, мы и ходили в одну школу, в седьмую, другой в Запроточье и не было, и в кино в клуб «Геолог»?

– И на танцы – на турбазу, – обрадованно подхватила Марина.

– Ну, я те танцы самую чуточку застал...

– И ведь друг друга наверняка сто раз видели. Только вряд

ли друг на друга внимание обращали. Вам двадцать два, Митя? А мне – двадцать пять. В такие годы разница трехлетняя много значит...

Особенно если разница – не трехлетняя, а вовсе пятилетняя, мысленно уточнил Митя. Он прекрасно помнил, как по их улице проносились стайки парней и девчонок, в основном на мопедах, летом так и вообще каждый день: ездили к самому уютному местечку для купания на левом берегу, возле стадиона. Куда и он бегал с друзьями – и частенько купались рядом с этими мопедистами. Десятилетним они тогда казались ужасно взрослыми, только теперь ясно, что это были старшеклассники, чуть постарше его брата или Юльки. И Митя, и его компания тогда были слишком маленькими, чтобы украдкой пялиться на девушек в купальниках, а когда пришла пора, мопедисты куда-то исчезли – как опять-таки теперь ясно, закончили школу, кто пошел работать, кто в армию, кто учиться – и многие ради учебы из Миусска уехали в Аюкан, а то и в Шантарск. Не мог Митя ее тогда не видеть, но кто бы помнил? Когда он начал заглядываться на девочек, ее уже не было, иначе запомнил бы – такую, пусть и пятью годами старше, не забудешь...

Вот тут уж сам собой завязался и вольно потёк, как река, разговор о Миусске, обо всём, что они оба прекрасно помнили, – в том числе и о знаменитом наводнении шестьдесят шестого года. Митину улицу оно захватило самым краешком – на их четной стороне затопило только подполья, но

все равно всех недели на две на всякий случай тогда эвакуировали на окраину, в общежития. До Марининой улицы, соответственно, не дошло, но оба они, жители соседних улиц, как выяснилось, бегали смотреть на выплеснувшуюся из берегов, подтопившую турбазу реку.

– Ох, так до бесконечности можно болтать... – сказала Марина. – Может, мне вас пригласить на новоселье? Как земляка и бывшего запроточника с соседней улицы?

– А я ведь обязательно приду, – сказал Митя. И вновь не удержался от легкой игривости: – К вам на новоселье я бы и из Миусска пешком шел, не то что со своей улицы...

– Ловелас вы, Митя, – сказала Марина без малейшего осуждения – комплименты любой девушке приятны, будь она зрячая и слепая... к тому же она, если сопоставить кое-что, не так уж давно и слепая...

– Да ну, скажете тоже, – ответил он. – Я парнишка скромный и где-то даже застенчивый...

– Оно и видно. – Она чуть погрустнела. – То есть – слышно... Значит, придете? Чаю поьем, я попрошу кого-нибудь торт купить...

– Ну, торт я и сам в два счета организую. Seriously.

– Совсем хорошо. Гостей, правда, много не будет – у меня тут знакомых ещё почти и нет... Сейчас уже ведь вечер?

– Ага, седьмой час.

– Значит, сегодня уже не получится, рабочий день кончился. Значит, завтра вещи привезут. Благодать какая, – ска-

зала она мечтательно. – Я сдуру все платья в контейнер загрузила... то есть дядя загружал. Только одно с собой взяла. Я платья все равно не вижу, да и гулять не гуляю – еще не освоила двор, дома сижу. Но все равно, видит же женщина или нет, приятно, когда в шкафу платьев полная вешалка. Значит, завтра привезут, послезавтра можно и новоселье устраивать...

– А вот это уж как получится, – уверенно сказал Митя. – Вам кто контейнер привезет?

– Завуч сказал, что завхоз поедет...

– А не знаете, у вашего завхоза блат на товарном дворе есть?

– Не знаю, как-то не говорили об этом... А что?

– Тут уж я в вопросе, – сказал Митя столь же уверенно. – У меня там старший брат одного знакомого работает. Грузчиком, не такой уж он старший, на три годочка старше нас, так что часто общаемся. Он как раз и работает в той конторе, что возит народу контейнеры. Порассказывал о тамошних порядках. Понимаете, Марина, у них там очередь дикая. Машин мало, а контейнеры уйма народу ждет. И торчать в этой очереди – самое малое неделю.

– Правда?

– Ну, Марина, зачем мне врать, особенно землячке и особенно такой...

– Кто же знал... – протянула Марина озабоченно. – И раньше никак?

– Марина, а для чего на свете земляки? – улыбнулся Митя. – У нас в великом и могучем Советском Союзе самое могучее и великое дело – блат. При коммунизме его, может, и не будет, но до коммунизма еще дожить надо... Завтра я во вторую смену, с двух. Утречком скатаю к Севке, к тому брату знакомого, он в обход живой очереди честных советских граждан уже через полчаса ваш контейнер на машину поставит, и привезут в лучшем виде. Если у вас никаких идейных предубеждений против блата нет.

– Да никаких, – сказала Марина обрадованно. – Блат есть блат, куда от него денешься. Даже тут... Я вам, Митя, скажу по правде, не будь у дяди здесь блата, меня бы и на работу сюда не взяли и не отвели бы эти хоромы...

– Ну тогда все отлично. Телеграмму мне доверите? Она там понадобится.

– Конечно... А правда уже завтра получится?

Митя веско сказал:

– Марина, почтари веников не вяжут и лапти не плетут. Все получится, как в лучших домах Лондона...

– А я эту приговорку еще по Миусску помню...

– Марина, сядем болтать – мы еще столько всякого вспомним...

Про очередь на товарном дворе он нисколечко не врал – правда, рассказал не всё. Но то, о чем он умолчал, – уже не Маринина печаль. Да и для него никакая не печаль...

К застоявшемуся мотоциклу он вернулся часа через два –

за болтовней о недалеком миусском прошлом время пролетело незаметно. Он и дольше бы проболтал с такой русалкой, но пора было и сдавать смену.

Застегнул шлем, сел на мотоцикл, но движка не включал – закурил и пускал дым, мечтательно глядя в пространство, благо за забором начинался огромный пустырь (собственно, тут город и кончался), так что пространства хватало в самом прямом смысле.

Молодая безалаберная кровь бушевала, когда он представлял себе Марину в том самом джинсовом платъице, на котором он медленно расстегивал фирменные пуговицы. Или снимал с нее красный халатик. По его разумению, в таких мыслях не было ничего плохого. Слепая, конечно, но не от рождения. Вспоминая все, что она сказала, точнее, мимоходом обронила, не нужно быть Шерлоком Холмсом или Эмилем Боевым, чтобы быстро сделать наверняка полностью соответствовавшие истине выводы...

Курить она бросила, когда перестала получать удовольствие от табака, год с лишним назад. Значит, и ослепла не так уж давно. «С лишним» – это не полтора и уж тем более не два. Можно с уверенностью предположить, что это связано с какой-то аварией на мотоцикле. Она ведь сама сказала: «Любила полихачить... вот и долихачилась». Значит, не пассажиркой сидела, а сама за рулем была...

Прошлым летом с ним могло произойти то же самое. При чем абсолютно не по его вине, никакого лихачества: поворачи-

чивал по всем правилам, не выше чем на тридцати – но кто же знал, что какая-то сука пролила там масло? Пятно масла на дороге для мотоциклиста – полный амбец. Произошло примерно то же самое, что в первом «Фантомасе» – разве что он кувыркнулся не так крепко, как тот французский мусор, – но все равно мотоцикл моментально снесло, и Мите удалось сделать все, чтоб он не полетел кувырком, а пошел боком. На его везение, выбросило не на дорогу, под колеса встречным машинам, а на неасфальтированную обочину. На его невезение, приложился так, что единственный раз в жизни стекла очков разлетелись на кучу осколков. На его везение, Митя, когда увидел, что тормознет его не кто иной, как старый могучий тополь, вовремя зажмурился. Осколочками порезало не только скулы и лоб, но и щеки. Седенький врач в травмпункте, куда Митя приехал в жутком облике (все лицо в засохшей крови), отмывая его физиономию, где перевязывая, где прилепляя пластырем тампоны, изрядно поворчал насчет бесшабашных рокеров, слушать ничего не желая о машинном масле на дороге. А напоследок сказал:

– Вы, молодой человек, гоняйте осмотрительнее. В вашем случае, не зажмурься вы вовремя, непременно осколки попали бы в глаза. А после этого часто слепнут с потерей зрения на сто процентов. И никакая операция не поможет, если повреждены сетчатка или зрительные нервы, а порой и то и другое. Потеря зрения на сто процентов. У меня подобных случаев с вашей братией было немало...

Что-то подобное могло и с Мариной произойти. Глаза выглядят, как бы это выразиться, совершенно целехонькими, и шрамов не видно, но разве он врач? Мало ли что случилось...

В общем, очень простой вывод: как минимум двадцать три годочка она жила совершенно зрячей. А уж за плечами двадцатитрехлетней красавицы просто не может не оказаться долгой и бурной... гм, личной жизни. Так что она должна маяться не только от скуки...

И вообще, для всех для них, как выяснилось с давних пор, существует вполне легальное, наукой признанное медицинское объяснение их суматошной жизни с погоней за доступным женским полом. С месяц назад мать Батуалы подсунула ему очередную медицинскую книгу. Так она его воспитывала – не компостировала мозги занудными нравоучениями, как некоторые, а подсовывала всякую полезную литературу (потом ходившую по рукам у всей кодлы). Вот только на сей раз это была не книга – точнее, книга, но переснятая на толстенную пачку фотографий отличного качества. «Введение в сексологию», у автора смешная короткая фамилия, издавна в столице нашей Родины городе-герое Москве тиражом в тридцать тысяч экземпляров. В магазинах ее, конечно, не найти днем с огнем – и гораздо большим тиражом изданные интересные книги куда-то загадочно пропадали, до магазинов не доходя, а то, что стояло там на полках... Разве что на необитаемом острове читать, когда под рукой нет ничего

другого.

Помимо прочего, они там наткнулись на интересное и где-то даже их полностью реабилитирующее определение – «юношеская гиперсексуальность». Свойственная в их возрасте, медицина заверяет, всем без исключения – кроме импотентов, но импотентов их лет они в жизни не видели. Выходило, что они ни при чем. Ничего общего с сексуальной озабоченностью, которую им часто некоторые шили, – как выяснилось, темные в медицине. Точно, сами они ни при чем. Биология и медицина подтверждают...

Фотографировать, проявлять и печатать они умели чуть ли не все – дело нехитрое, многие его еще в младших классах освоили. Так что очень быстро изрядное количество копий запорхало по району, а несколько были пущены в обмен на разные любопытные вещички. И теперь они прекрасно знали, что отвечать и иным девочкам, сетовавшим на некоторую их бесцеремонность и торопливость, и родителям, в который раз заводившим шарманку насчет безалаберной жизни и стращавшим надоевшими пугалками: можно дурную хворь подцепить, девочка может забеременеть и жениться заставит... Следовало мило улыбнуться девочке либо родителям во все шестьдесят четыре зуба и преспокойно ответить:

– Да я ж тут ни при чем. Это все юношеская гиперсексуальность виновата. Советская наука печатным шрифтом доказывает.

Часто в доказательство предъявлялись и фотокопии со-

ответствующих страниц. После чего и девочки, и родители, как правило, озадаченно замолкали. А если кто-то из родителей и не унимался, то весь запал обращался исключительно против нынешних времен и нынешних врачей, печатающих сушную порнографию и тем наносящих непоправимый ущерб нравственности молодого поколения. Во времена юности родителей, конечно, такого печатного разврата не было, и тогдашняя молодежь росла в незапятнанной моральной чистоте. Чему верилось плохо. Конечно, когда родители были юными, у них не было ни магнитофонов, ни цветного кино, но, слушая рассказы иных взрослых мужиков и даже стариков-старушек о царских временах, делаешь вывод: отнюдь не поголовно была невинной тогдашняя молодежь, отнюдь...

Уже собравшись уезжать, Доцент наконец доискался, что у него сидело в подсознании, какие ассоциации, связанные с Мариной. Ну конечно, Дея! Очаровательная слепая девушка из романа Гюго «Человек, который смеется». Митя его прочитал в седьмом классе и навел на него одноклассников, в первую очередь Батуалу (тогда еще не Батуалу) и Сеньку (тогда уже Сеньку). Роман понравился всем. Написан был тяжело, длинновато, совсем не так, как пишут сейчас, но, если пропускать ненужные длинноты, оставался забойнейший приключенческий сюжет. Гюго они и сейчас уважали. Одно не нравилось: во всех трех романах два героя и одна героиня гибнут. По их глубокому убеждению, такой лихой

парень, как Жильят, и такая красотка, как Эсмеральда, просто обязаны были остаться в живых, и всё у них обязано было кончиться хорошо...

Да, действительно. Дея. Надо будет ей как-нибудь эту аналогию привести. Если уж она, как выяснилось, закончила филфак абаканского педа и потом несколько лет преподавала литературу в их родимой седьмой школе, этот роман должна прекрасно знать.

Да нет, пожалуй, не стоит. Это ее может только огорчить, такая вот аналогия. Дея у Гюго была слепой от рождения и, надо полагать, такой и осталась, а Марина упоминала мельком, что ее смотрел хороший аюканский окулист, чуть ли не профессор (вот только медицинских, как и других профессоров, в Аюкане не водится), и вроде бы даже, особенно не обнадеживая, намекал, что медицина тут может и помочь.

Ну, никто не мешает про себя называть её Дея – так гораздо красивее, чем Марина. Марин немерено, а Дея – одна. Джульетта на горизонте уже замаячила, теперь будет и Дея. «Если б я был султан, я б имел трех жен и тройной красотой был бы окружен...» Хорошо было редиске Абдулле, пока не объявился товарищ Сухов...

Он выехал со двора, быстро домчал до перекрестка, но свернул не направо, к виадуку, а налево. Если через пару сотен метров, миновав заправку, свернуть направо с асфальта, километр промчат по немощеной колее, попадаешь в поселок МПС, где многоэтажки этого района и кучкуются. А к

багажнику надежно присобачена пятилитровая пластмассовая канистра. А в магазинчике в поселке тружеников стальных магистралей практически каждый день есть отличное бочковое пиво, и в это время дня очередей там нет. И можно купить на закуску сыр и буженину. Еще один плюс работы почтаря: прекрасно знаешь, как многое другое, и все продуктовые магазины города. То, чего нет в одном районе, наверняка отыщется в другом. Та же буженина – возле его дома три ларя, но буженины там сроду не бывало, а там, куда он едет, свежая лежит постоянно. И так со многим другим. Советская торговля – очень интересная контора...

Глава третья

Гангстеры во всей красе

Жизнь была не то чтобы удивительна, но определенно прекрасна. И потому, что этой ночью предстояло развлечение, ничуть не похожее на все прежние, и оттого, что впереди замаячили две стройные фигурки, опять-таки являвшие собой нечто новое в его жизни: Джульетта и Дея. Предположим, с Джульеттой – полная неясность, а с Деей – и вообще сплошной туман, и касательно обеих ничего не стоит загадывать наперед – и из суеверия, и из кое-какого жизненного опыта. И все же... Помнится, читал где-то: лучше туманные надежды, чем полное отсутствие таковых. Вот именно, в точку.

Полнехонькая канистра стояла тут же, в уголке, между стенным шкафом и стареньким столиком с магом и стопочками кассет. Дожидалась вечера – сегодня еще предстояло садиться на мотоцикл. Оставалось пускать дым в потолок, валяясь на диване и лениво, даже философски где-то, размышлять о причудливых зигзагах, которые иногда выписывает родной советский кинематограф.

Над диваном висели на аккуратно вколоченных гвоздиках две фотографии, черно-белая и цветная, обе размером примерно с журнал «Техника – молодежи» нового формата, не

так уж и давно сменившего старь, побольше (Митя с шестьдесят восьмого года покупал журнал в киосках, а потом выписывал. Выписать его для рядового советского гражданина было делом нереальным, на почте в каталоге он значился, только вот всегда оказывалось, что лимит на подписку выбран. Но Митя-то благодаря месту работы такое провернул без особого труда – пара шоколадок знакомым девчонкам из нужного отдела городского узла связи – и все дела).

На черно-белой красовалась обнаженная по пояс красавица актриса Ольга Остроумова, она же, по фильму, Женечка Комелькова («А зори здесь тихие», ага), в том незабываемом эпизоде, когда суровый старшина устроил зенитчикам баню в прямом смысле слова. На цветном – эстонская раскрасавица блондинка со смешным забытым имечком. Эта вообще сидела голенькая. Отличные были фотографии, четкие, ничуть не похожие на те мутноватые, которыми торговали глухонемые или они сами переснимали. И неудивительно – фирма веников не вяжет и лаптей не плетет, знакомый из государственной фотографии, профессионал, переснимал с кусочков киноплёнки, кадров из фильмов.

Зимой семьдесят второго «А зори здесь тихие» вызвали в городе бурление нешуточного ажиотажа. Сам по себе фильм был отличный, на одном дыхании смотрелся (а старшеклассницы порой еще и похлопывали носами, когда гибла очередная девчонка), но вот зрители мужского пола еще и живейшим образом интересовались той самой сценой в бане – до

этого советский кинематограф, как уверяют журналы, газеты и телевидение, лучший в мире, подобными сценами никогда не одаривал.

Смешно и вспомнить, что творилось. Самые примитивные смотрели кино по нескольку раз. Митя помнил, как однажды у него за спиной раздавался громкий азартный шепот:

– Коль, смотри-смотри-смотри... Сейчас она с голыми грудяшками выскочит... Старайся взглядом всю охватить...

По большому счету это были не подкованные технически звездострадальцы, заслуживавшие лишь легонького презрения. Подкованные поступали иначе: едва начиналась банная сцена, по всем углам темного кинозала сверкали фотовспышки.

Но и это был ещё не высший пилотаж. Высший заключался в том, чтобы отыскать дорожку к киномеханикам. Очень многие знают, что на секунду экранного времени приходится двадцать четыре кадра киноплёнки. Банная сцена длилась секунд пятнадцать, а то и подольше. Вот и умножьте кадры на секунды. Конечно, половину кадровиков придется оставить в катушке, чтобы не наглеть. Ну а оставшееся умножьте еще на пять рублей – именно столько механики, паразиты, брали за один кадрик, прекрасно соображая, что пребывают в выгодном положении Петьки из старого анекдота: «Дорого? А ты, Василий Иванович, по базару походи, авось подешевле найдешь...»

А откуда подешевле, если дело происходило в пустыне,

где кроме них не было ни единой живой души, и у Петьки-продавца имелся в наличии мешок сухарей, который он и предлагал Василию Иванычу за подобранный тем мешок золота...

Киномеханики этот анекдот наверняка знали – кто ж его не знал? И пятерку им платили безропотно – дешевле нигде не найдешь. Как и их троица: они тогда пару месяцев уже работали на Главпочтамте, и деньги появились в количестве, неизмеримо превосходящем скудный доход школьника, полтинник на обед. И кое-какой житейский опыт обозначился. И новые знакомства завелись, с людьми уже постарше их, – окончив школу и двинув работать, они перешли в другую категорию: по закону несовершеннолетних, а по жизни взрослых. Так что по второму разу уже в кино не бегали и не гадали, где раздобыть фотовспышку. Знали, куда идти с приветом от того-то и того-то.

Из-за того, что приобщиться к прекрасному стремилось немало знающего жизнь и небедного народа, банная сцена на экране понемногу ужималась и ужималась, через пару недель Женя Комелькова и вовсе бесследно пропала, как будто и в баню весело не влетала.

Чуть позже они, уже привычно, поступили точно так же, когда в одном из клубов стали крутить «Последнюю реликвию» с той самой голенькой эстончочкой, такой, что всё отдай, и мало. Там всё было ещё циничнее: через неделю голая красотка вообще из фильма исчезла самым загадочным об-

разом – очень уж короткая была сцена, и кадров оказалось меньше, чем желающих, готовых выложить уже две трешки... Такое вот насквозь незаконное, но прибыльное предприятие. Причем продавший им кадрики разбитной малый с ухмылочкой прокомментировал: дело хотя и незаконное, но по мизерной стоимости кадрика тянет не более чем на мелкую кражу, из-за которой никто под следствие не потащит. А от статьи «Распространение порнографии» при известной оборотистости увернуться легко: в конце концов, эта не проникшая с разлагающегося Запада фотография, а кадры из честных советских кинофильмов, разрешенных цензурой.

Ну а дальше совсем просто: знакомый фотограф снимки увеличил (содрал еще трешку за цветную пленку), а знакомый из мастерской кукольного театра и вовсе за пару огнетушителей вставил снимки в рамки и застеклил. Вообще-то они прикупили и другой кадрик: тот, где какие-то местные урки старинных времен захотели красотку изнасиловать (и понять их можно), двое завалили, а третий очень эффектно рвет на ней рубашку, так что грудки наружу на пару секунд. Однако этот кадр на увеличение не пошел – как-то он не очень гармонировал с первыми двумя. А так получилось неплохое украшение интерьера. Впрочем, даром третий кадр не пропал, все свои расходы они возместили – сами взяли фотоувеличитель и нашлапали для каждого десятка по два снимков на обычной фотобумаге – черно-белой, с открытку размером, которую в «Спорттоварах» можно было свободно

купить и без блата в «Фотографии». И опять-таки пустили снимки в обмен на разные нужные вещички (особо циничный Батуала тем, кто кина не видел, эти фотки впендюрировал как кадр из западного порнографического фильма, неведомыми путями попавшего в Советский Союз).

Еще какое-то время все три кадра служили темой для диспутов, и порой крайне эмоциональных. Вопросов на повестке дня всегда стояло три. Платят актрисам премию за съемки голышом или это входит в их служебные обязанности? Если они снимаются голышом, по жизни они ляди или нет? И если да, то кто их жарит – свои киношники или кто-то на стороне? Очень жаркими бывали дискуссии, но потом как-то незаметно прекратились – из-за полной невозможности докопаться до истины.

А там и ажиотаж столь же незаметно схлынул. Когда через пару лет вышел «Романс о влюбленных», где героиня тоже появлялась голышом, не наблюдалось уже фотовспышек, и за кадриками никто не охотился. Эротики в советском кинематографе не особенно и прибавилось, но она уже не казалась манящей экзотикой...

Знакомо клацнул замок на входной двери, зацокали когти по доскам. Пират в Митину комнату не полез – только что виделись, – шумно плюхнулся на свою подстилку в уголке большой проходной комнаты, отгороженной для него двумя книжными шкафами, привезенными из Миусска. Зато объявился младший брательник, присел на уголок дивана (боль-

ше, благодаря Митиной хитрой стратегии, сидеть в комнате было не на чем), попросил:

– Мить, сигаретку дай.

– Свои иметь надо, – проворчал Митя исключительно для порядка (брательник этой весной закончил всего-навсего восьмой класс, заработать было негде, а мать на мелкие расходы выдавала скупно, и о том, что он курит, пока не знала). И хорошо, что не знала, – нешуточный втык получил бы Костик, упорно почитавшийся мамой «еще маленьким». И великодушно махнул рукой: – Вон, на книжной полке блок лежит, возьми пачку. И мне кинь, у меня последняя... Вечером вчера где болтался? С Нинкой в кино ходил?

– Ага.

– Вторая серия была?

– Помацал в подъезде, – не без затаенной гордости сообщил младший братец.

– Это дело хорошее, – сказал Митя. – Чем человек на мышку похож? Оба половую щель ищут... Трепыхается еще?

– Да нет, попривыкла чуточку...

– Под юбочку лазил?

– Нет, пугается...

– Учи вас жизни... – усмехнулся Митя. – Знает, что ты на той неделе учиться уезжаешь?

– Ну да. Писать обещала.

– Ага, жди, – сказал Митя. – Пару писем черканет, а потом позабудет тебя на фиг, найдется кому вторую серию по подь-

ездам устраивать. (Душевно травмировать брательничка он не боялся – не было там романтической любви ни у него, ни у Нинки.) Да и ты позабудешь – шантарские девки завертят. Их там много... Вот тебе и удобный случай. Навешай ей на уши побольше лирики – как тебе тяжело с ней расставаться, как ты без нее тосковать будешь в здоровушем городе, где ни кентов, ни знакомых... И всё такое прочее. Дать всё равно не даст, испугается по молодости, а вот в плавки залезть можешь. Авось разрешит тоскующему-то... Ты, главное, лирику убедительно вешай, чтобы ее проняло... Усек?

– Да усек...

– Ты куда это уставился так заинтересованно? – перехватил Митя взгляд Костика. – Ну, пиво там, пиво, не чай же... Я сейчас уеду с кентами. Можешь кружечку налить, хрен с тобой, только не вздумай водой доливать, как в прошлый раз учудил.

– Да когда это было... Я тогда не разбирался.

– Когда было, когда было... – проворчал Митя. – Всего-то на прошлый Новый год. Резко повзрослел с тех пор малюточка, ага. Мама всё думает, что он ребеночек, а у ребеночка в стакан не влазит, дымит и пиво у меня отливает. В общем, кружечку бери, и не более того. Самим нужно. Усек?

– Усек... Я за кружкой пошел?

– Валяй...

Оживившись, братец пошел на кухню. Брательник был – отрезанный ломоть. Закончив восемь классов, аттестатом

зрелости²⁴ не прельстился, может, еще и оттого, что Митя для него три года был живым завлекательным примером: без всякого высшего образования заколачивал побольше инженера. Толку-то в этом образовании? Вот братец и поступил в шантарский техан на бурильщика, чтобы потом зашибать на северах вовсе уж дурную деньгу. Мать по этому поводу изрядно поохала, но отговорить не смогла. Что до Мити, он братца перед матерью старался защищать как мог убедительнее. В том числе и из соображений, что уж там, меркантильных: через неделю брательник уезжал в Шантарск, и Митя становился единственным обитателем двухкомнатной квартиры в паре минут ходьбы от центра города (немецкий овчар Пират, не будучи гомо сапиенсом, в расчет не брался). Личную жизнь это должно было облегчить неслыханно – да и вообще жизнь...

Мимоходом глянул на часы – времени хватало. С кентами договорился встретиться у гаража в пять, а сейчас без четверти. Предстоял очередной поход за культурой, на сей раз чисто за культурой – как оно летом всегда и бывало. Летом в библиотеке, куда они все трое собирались, не попирагтствуешь...

Они читали много. Почти вся кодла читала много. Само собой разумеется, никто из них не был студентом и уж тем более – интеллигентом. Когда они учились в школе,

²⁴ Аттестат зрелости – официальное название свидетельства о среднем образовании.

слово «интеллигент» было не оскорбительным, за которое с ходу бьют в торец, и даже не ругательным, но безусловно обидным для нормального пацана. Интеллигент представал неким растяпистым существом, которое носит очки минус десять, не вылезит из консерваторий с филармониями, хмелеет, понюхав пробку, и уж безусловно не способно снять девочку, не говоря уж о том, чтобы впялить ей качественно. Кому охота в свой адрес такое услышать? То-то и оно...

Но читали они все много. Если подумать, должно быть, оттого, что их детство (особенно у Мити в Миусске) на развлечения было крайне скупо: кино, новогодние утренники, купание летом, рыбалка да Масленица. Ну, еще демонстрации – первомайская, на Девятое мая и на Седьмое ноября. И всё. Батуале с Сенькой было чуток интереснее жить – у них родители телевизоры купили, когда им было лет по десять, а у Мити мать расстаралась, когда ему стукнуло шестнадцать. Да и толку с этого телевизора. Каналов целых два, но на деле, считай, полтора: второй вещает недолго, раза в три меньше, чем первый. Бывают порой интересные многосерийные фильмы, даже западные, но не особенно часто. А обычно кино – пореже чем раз в день. Хорошо еще, часто идут «Кабачок «Тринадцать стульев» (говорят, Лёнька его любит, оттого и кажут чуть ли не два раза в месяц), футбол и хоккей, праздничные «Голубые огоньки», а уж под Новый год обязательно покажут, как пляшут полуголые гэдээровские девочки из «Фридрихштадпаласа». Снова нашим нельзя, а брат-

ским немцам можно. В который раз вспоминается: доктору, значит, можно закладывать, а отцу Кабани, выходит, вредно.

Вот и пристрастились в свое время к книгам – да и потом их не разлюбили, привычка читать осталась. К тому же в холодное время года была и другая положительная сторона. Библиотека, сама того не ведая (то-то было бы визгу, если бы проведали!), служила еще и книжным магазином – в отличие от настоящих книжных, совершенно бесплатным. В настоящих книжных – хоть шаром покати. Исключение разве что военторг в поселке МПС, где порой появлялось что-то интересное, продававшееся свободно. Митя там недавно купил «Вооружение иностранных армий», ценное кучей фотографий танков, броневиков и военных самолетов, и «Историю Первой мировой войны» – толстенный скучнейший том, но опять-таки изобиловавший интересными фотографиями. Зато библиотека... Она и есть библиотека, там куча интересного на полках, а полки стоят густо, закрывая читателей от библиотекарши, сидящей себе мирно за столом...

Технология отработана давно и безукоризненно. Как только подступали холода и все надевали под пиджаки свитера, тут и начинался «пиратский сезон»... Пиджак растянут, а свитер мешковатый и длинный, подобранный как минимум на размер больше. Нужно только улучшить подходящий момент, когда нет посторонних глаз. Книга (а то и две, если не особенно толстые) молниеносным отработанным движением отправляется под свитер, а ремень заранее

застегнут соответствующим манером – чтобы надежно прижимал книгу к пузу и чтобы она свитер не оттопыривала. Библиотекарша никогда особенно не приглядывается, ей и невдомек, что иные тянущиеся к знаниям и изящной словесности молодые люди – чересчур уж активные читатели. Во всяком случае, за три сезона, в преддверии четвертого, ни разу не заporолись. Какой-то учет у них там есть – не одни Доцент, Батуала и Сенька такие умные (они об этом увлекательном и полезном занятии узнали в свое время как раз от старших), библиотекарши давно уразумели, что книги таскают. Но нет у них возможности всё время следить за каждым... К тому же материальной ответственности они явно не несут – иначе как раз неустанно бдили бы, как тот Зоркий Сокол. А так – давно прокатывает...

Каждый, конечно, выбирал по своему вкусу. Сенька упор делал на западные романы, особенно детективные и приключенческие (правда, не так уж часто попадавшиеся). Доцент – на то, что казалось ему интересным, коллекционировал фантастику (и подобрал уже восемь томов из двадцатипяти томной «Библиотеки современной фантастики»). Батуала был падок на те книги, которые характеризовал так: «секс-насилие-убийство». А в общем – что покажется достойным внимания, то и улетучится вместе с ними. Иногда сам, если сегодня улова нет, поможешь кенту – если он покажет тебе книгу, держа ее вверх ногами, значит, она ему нужна, но места под свитером уже нет.

У всех троих была мечта – заполучить «Анжелику». Сначала они в седьмом классе всеми правдами и неправдами просочились на два фильма о прекрасной маркизе, шедшие с грозной надписью на афишах о детях шестнадцать лет. А три года назад вышел толстенный роман, о котором упоминалось в титрах. Это было нечто... В семьдесят третьем удалось посредством сложных обменов заполучить одну-единственную книгу, которая обошла всю кодлу, даже тех, кто не особенно чтением интересовался, – столько там было подробно описанных эротических сцен... Книга выдавалась очередному читателю всего на сутки со строжайшим наказом не вырывать страниц и не задерживать очередь. Ну, предположим, не вся кодла познакомилась с французским шедевром – когда неначитанными оставалось человека четыре, ридиска Буратино, по пьянке отправившийся куда-то вечером с «Анжеликой», по пьянке ее и потерял, сам не помнил где, – кому-то крепенько повезло. За что разгильдяй Буратино, опять-таки по пьянке, был легенько бит, но книгу это не вернуло.

Увы и ах... Надыбать «Анжелику» во время пиратских рейдов не представлялось возможным. Как грустно сообщила библиотекарьша, когда они о такой книге спросили:

– Утащили, давно уже...

Кто-то их цинично опередил. Есть же прохвосты, для которых нет ничего святого, нахально ворующие книги из советских библиотек! И как их только земля носит, волков позорных?

...Раздолбанный магнитофон орал давно знакомым хриплым голосом. Запись, конечно, была скверная, не запись, а бог весть какая перезапись, но другой и взять неоткуда, это все прекрасно знают...

Потом у них была уха,
и заливные потроха.
Потом поймали жениха
и долго били.
Потом снялись плясать в избе,
потом дрались не по злобе,
и человеческое все в себе поистребили.

Катай сосредоточенно слушал – годившийся им всем в отцы мужик... впрочем, нет, как и полагалось правильному эзку, пусть и завязавшему десять лет назад, слова «мужик» Катай не переносил. Не оскорбительное для него, но категорически его быломому статусу не подходившее. Годившийся им всем в отцы человек интересного телосложения – на полголовы ниже самого низкорослого из них Сеньки, но вот чуть не раза в два пошире. Стрижка ежиком, квадратная физиономия старого шоферюги, каковым Катай последние девять лет и пахал.

– Ну, что... – сказал он, когда кассета кончилась. – Песня хорошая. Люблю я хрипатого, у него песни за душу берут. И хоть сам не сидел, иные так написаны, будто не один срок чалился... Я про другое. Гармонист этот, от чьего лица по-

ется, – пидор конченный. В хорошем смысле слова...

– Почему? – с любопытством спросил Батуала.

– А ты подумай и прикинь хрен к носу... Сразу ясно, что он раздолбай и хозяин косорукий! То в огороде недород, то скот падет. Во множественном числе «скот» – значит, не одна у него коровенка или там овечка. И падает у него одного – про других ничего не сказано. Я сам деревенский, за скотинок говна повыгробал... Если нет никакой эпидемии, скот только у раздолбая падёт... Теперь – гуси. Гусей некормленных косяк... Косяк – значит, много. А что же они некормленные? Значит, сам не покормил, а ведь по песне не алкаш, должен за гусями смотреть. И что у него за баба, если гусей некормленными оставила, а он ей в репу не дал? Собак самое малое две: цепные псы взбесились... По всему выходит, хозяйство немаленькое, а присмотра за ним никакого. Кто ж ему тут виноват? А потом еще хлеще. Обосрал он смотринам всю малину. Чего-то жениху нашептал такого, что тот в побег сорвался, так что его ловили и били. И драка, есть такое подозрение, не без его шепотков началась, ежели сопоставить со всем прочим. Нет, гнилой должен быть экземпляр, на весь организм гнилой... Ладно. Соловья трухой не кормят... Вы же ждете, чтобы я вам расклады дал?

– Да оно бы хотелось, – сказал Батуала, и Доцент с Сенькой наострили уши.

– Расклады... Дело вы задумали копеечное, на которое человек солидный в жизни не подпишется. Только если я вас

буду отговаривать, вы ж все равно пойдете, у вас еще детство в жопе играет. Как у меня в ваши годы... Так что придется вам совет дать... Во первых строках – заранее готовьтесь, что можете запороться. Всегда надо допускать, что можешь запороться, чтобы у мусоров вести себя грамотно, а не на ходу придумывать – тык-мык... Если уйдете чисто, потом вам ничего не докажут. Запороться можете исключительно на деле. Могут взять трех, могут двух, а могут и ни одного. Все равно заранее знайте, как лепить горбатого. Если возьмут всех или двоих, быстро прочухают, что вы из одной кофлы. Карпуха первым опознает. А если одного, пусть стоит на своем: с кем был, знать не знает. Только что познакомились в забегаловке или у ларя, раздавили пузырь, побазарили, решили подломать ларек... Тогда и спрос чуток меньше, не пришьют ни «организованную группу», ни «по предварительному сговору». Нажрались, кураж пошел, вот и решили брать первое попавшееся... Просекли?

– Чего ж тут не просечь...

– Теперь... Заметут вас или не заметут, готовьтесь, что ущерба на вас торгованы повесят больше, чем вы наворотили. Все свои недостатки на вас спишут. А в том ларьке обе бабы, долго думать не надо, – те еще профуры ломовые. Я сам туда хожу, да вы и сами их сто раз видели. И пакши²⁵ видели. Пальцы грязные, а на пальцах рыжья понадевано... Когда мы с Филей, царство ему небесное, спалились в первый раз на

²⁵ Пакши – руки (уголовн.).

магазине, торгаши на нас повесили столько, что четверо не унесут, все свои растраты и недостачи – да еще, очень может быть, когда утром увидели подломанный магаз, раньше, чем мусоров вызвать, по сумке себе нагребли. Ларь был не простой, а орсовский²⁶. Ну, мы с Филей и без того взяли столько, что на срок хватало – у них там и коньячок хороший был, и сухая колбаска, и сыр с дырками, и курятина в собственном соку. И еще разное. Только торгашам не обломилось. Мусора точно знали, сколько мы взяли, – нас тот пидор и заложил, к которому мы с мешками пришли и на хранение оставили... И все равно на срок хватало, да и условный на обоих висел... В общем, это тоже учитывайте. Теперь так... Даже если что и припишут, отмотаетесь. Ущерб, пусть и не копеечный, всё равно не тяжелый. С одной стороны, кража со взломом и хищение социалистической собственности, а с другой – у вас анкеты чистые, даже приводов нет. Жалко, что вы двое не комсомольцы. Ну, все равно характеристики с работы напишут хорошие, залетели по первости, вину осознаете, чисто-сердечно раскаиваетесь и обещаете загладить ударным трудом на благо советского общества... Ну и адвоката не забудьте, про которого я вам бумажку написал. Берет недорого, у нас тут не столицы, а дело знает. С вашими получками будет и ненапряжно. А главное – не попадаете ни под какую кам-

²⁶ ОРС – отдел рабочего снабжения. Во времена СССР был при многих предприятиях, снабжали работников промтоварами и продуктами. Ассортимент в орсовских магазинах был побогаче, чем в обычных.

панию. Хуже нет, когда у нас объявят кампанию: неважно, по борьбе с чем-то или за что-то. Тут уж всем, кто под кампанию попал, решают по полной, не «от», а как раз «до»... – Он ухмыльнулся не без некоторой мечтательности. – Хотя бывают кампании и полезные. Я под такую при Лысом попал. Лысому очередная блажь стукнула в дурную башку: что граждан преступников можно перевоспитать честным трудом в здоровом коллективе. Вот и шуранула кампания – за гуманизм в отношении бритых ежиков, то есть нас. Какие рэцэдэ²⁷ под эту кампанию откинулись²⁸, вы б видели... Мне навесили семерик, отсидел год, тут как раз кампания. Выпустили меня на «химию», тогда как раз в Знаменском бетонный завод строили. Повкалывал я там годик ударно – освободили вчистую, и пошел я на свободу с чистой совестью. Ну лично я тогда и завязал, только не из сознательности, а потому, что стало ясно: толкового вора из меня не получится. Так и буду, как Косой в кинокомедии: украл, выпил, в тюрьму... Завязал и не жалею. Короче, вы все поняли? Ладушки. И еще запомните намертво: за решеткой и за проволокой романтики нет. Я тут послушал вашего Гуню, как он вам про тюремную романтику заправлял, а вы и уши развесили, будто вам девки минет делают... Дурак ваш Гуня. Просто-напросто свезло – попал на путную зону, да по вашей родной две-

²⁷ Рэцэдэ – сокращенное от «рецидивист».

²⁸ Откинуться – освободиться (*уголовн.*).

сти шестой²⁹, да по самой легкой части. Год отсидел, вышел условно-досрочно с оставшимся годом. Таких на зоне тьматмушая, их не прижимают особо, но и за серьезных людей не считают. Одно слово – «старый вор по кличке Жопа». Зато выйдут – блатары блатарями. Не столь блатные, как доходные. Анекдот есть. Мамаша соседке жалуется: «Мой Ванечка с зоны пришел такой блатной, такой блатной... Попрошу курей покормить, отмахнется: «Пусть хрен клюют!» Попрошу свиней покормить – отмахнется: «Пусть хрен жуют!» И кличка у него страшно блатная: Машка-Пидарас». Усекли? И вот что еще. Перед делом не бухать – так, по глотку, чтобы пахло. И перчатки наденьте, а то пальцев наляпаете там и сям. Вот и все вроде. Ну, за науку и мне парочку прихватите. – Он улыбнулся одним лицом, без участия глаз. – Говорят же – вербованное всегда слаще. А теперь поговорим, как вам засветить дятла. Есть простые придумки, старые, но надежные, работают как часы...

...Ларек «Фрукты-овощи», не такой уж маленький, располагался в самом уголке Дикого Леса – за ним и начинался тот пустырьник, где устраивали новогодние елки. Сигнализации там не имелось отроду, что задачу крайне облегчало. В обычное время его ярко освещали два угловых фонаря, на их улице и на перпендикулярной. Вот только час назад оба фонаря загасили стальными шариками от подшипников Батуала с Доцентом – рогатками они не баловались давно, не ма-

²⁹ 206-я ст. УК РСФСР – «хулиганство».

лолетки, но старых навыков не растеряли. Правда, былыми снайперами уже не были – Батуала фонарь расколол со второго шарика, а Доцент и вовсе с третьего. Но проделано все было быстро и осталось незамеченным. Аварийщики из-за такого пустяка по темени дергаться бы не стали, обязательно отложат на завтра, даже если узнают. А в милиции как раз пересменок: на дежурство заступает ночная смена, а во дворе начинается развод «канареек»³⁰. Уходящей смене уже не до всякой мелочовки, а пришедшей – пока не до нее. И «луноходов» на ночных улицах на какое-то время остается минимум. Как выражался Остап Бендер, все учтено могучим ураганом...

Одно картину чуточку портило – тусклая лампочка над задней дверью ларька. Но жить ей оставалось всего ничего. Что приятнее, обе улицы пусты, как вымерли, прохожих нет. Главная опасность, учил Катай, – бдительные граждане-полуночники. Глянет такой в окно, заметит что-то подозрительное и исполнит свой гражданский долг, сука, вызовет мусоров. Но это уж – неизбежная случайность, с которой ничего не поделаешь. В основном на лес выходят окна домов своего района, а здешние полуночники давно усвоили, что они ничего не видели, не слышали и знать не знают...

– Пошли, – распорядился Батуала.

Они быстренько перебежали пустую дорогу, враз оказались у киоска, и Батуала с ходу засветил очередным шариком.

³⁰ «Канарейка», или «луноход» – милицейская машина.

ком от подшипника по лампочке. С трех метров и юный пионер не промахнулся бы. Лампочка скоропостижно скончалась, как член Политбюро ЦК КПСС из очередного некролога, которым партия и правительство с прискорбием извещали, – вот только лампочкам некрологов не полагается. И шума получилось не особенно много.

Все обговорено заранее – они этот киоск знали не первый год. Батуала – в осенних перчатках без подкладки, как и остальные, – достал из внутреннего кармана куртки короткий ломик со сплюсненным концом. Хлипконьякая дверь киоска, кроме паршивенького врезного замка, запиралась на широкий железный засов, косо ее пересекавший. Замок они трогать не стали – можно было поступить гораздо проще, чем подбирать ключи к этому музейному экспонату. Другой конец засова крепился на толстом железном кольце с острым штырем, забитым в старые, малость подтрухлявевшие доски киоска. Батуала этот конец поддел ломиком, налег обеими руками и вмиг выковырял из дощатой стены. Стоявший тут же наготове Доцент подхватил засов и остороженько опустил на землю. Все было проделано почти бесшумно. Сенька, как и полагалось по плану, стоял наготове с тремя свернутыми мешками из-под картошки, прихваченными из собственных подвалов.

Тем же ломиком Батуала поддел дверь над замком и, понатужившись, быстренько ее подломил. Они вошли внутрь, тщательно прикрыв за собой дверь. Доцент посветил фона-

риком, как учил Катай, не поднимая луч выше большого окна с прилавком. Удовлетворенно хмыкнул, увидев груды арбузов – их подвезли под вечер, к закрытию; и торговать собирались завтра. Пахло чуток подгнившими фруктами-овощами, стояла утешительная тишина. Оставшийся на атасе снаружи Сенька тревожного свиста не запускал.

Все заняло какие-то минуты: Доцент светил фонариком, а Батуала приглядывался к ножкам – у спелых арбузов они усохшие, скорченные, а то и вовсе отсутствуют. Для надежности постукивал ломиком, по звуку вычисляя спелые. В два мешка улеглись по три арбуза, в один – пять, парочка предназначалась Катаю. Те, что не подходили, они бесцеремонно отпихивали ногами, не заботясь, разобьются ягодки (арбуз, как известно, – тоже ягода) от такого обращения или нет. Открыли дверь, тихонько позвали Сеньку – и трое, прихватив по мешку, выскочили в полумрак. Быстренько загнали штырь на прежнее место – он вошел не до конца, но забивать его, как было, нет смысла, все равно взломанную дверь наспех не починишь, да и никому это не нужно, до утра не заметят, и ладненько...

Взвалив тяжелые мешки на спину, легким бегом нырнули в Дикий Лес. Прошли по нему метров двадцать, перешли дорогу и разошлись по дворам. Сделано чисто, как в лучших домах Лондона.

Поднявшись к себе на второй этаж, Доцент открыл дверь, зажег свет в прихожей. Отсюда видел, что в темной большой

комнате кровать братишки пуста – шлялся где-то, из молодых да ранних. Моментально проснулся Пират, подскочил, вертя хвостом, с большим интересом обнюхал мешок и разочарованно ушел на место, не вынюхав ничего для себя вкусного.

Вот теперь все было в порядке, нагрень сюда вся уголовка города. На арбузах не бывает этикеток с названием магазина, и не докажешь, откуда они произошли. С их зарплатами каждый мог завтра купить таких арбузов немерено, но так – гораздо интереснее. Вытащив один арбузик – как и остальные, килограммов на пять, – Доцент устроил его на столе в кухне, раскрыл нож и вырезал широкий ломоть во всю ягоду. Еще по хрусту, с каким входило лезвие, было ясно, что Батуала не подкачал. И точно, арбуз оказался краснящим, с хрупкой созревшей мякотью. Доцент с удовольствием откусил с края изрядный кусман, держа ломоть над тарелкой, чтобы не капать на пол соком.

Ага. Щелкнул замок, блудный брательник вернулся. Объявившись в кухне, Костик понятливо покивал:

– Что, на дороге валялись?

– А где ж еще, – сказал Митя, сплевывая в горсть скользкие черные семечки. – Лопай, всем хватит.

– Киоск подломили?

Митя ухмыльнулся:

– «Бриллиантовую руку» помнишь? Как говорил мой знакомый покойник: я слишком много знал... Ты-то где болтал-

ся? Нинку прижимал?

– Да нет, – сказал брательник с таким горделивым выражением лица, откромсывая Митиным ножом себе ломоть. – Мы с Чингисханом и Флинтотом неслабую подлянку мусору устроили.

Митя беззлобно проворчал:

– Кличек понабрали, как у больших... Да пожутчее: Чингисхан, Флинт и с некоторых пор – Ягуар... Торопитесь жить, молодежь... Ладно. Мусору устроить подлянку – святое дело, сто грехов простится... Рассказывай.

– Идем и смотрим: мусорок при полной форме девку в лес ведет. Ну, мы тишком за ними – по Дикому Лесу на ощупь пройдем, как Чингачгук Большой Змей. Мусорок совсем сопливый, лысопогонник³¹, явно только после армии. Ну, пообжимались они на полянке, потом он с нее плавки стягивает. Она ничего, не барахтется. Прислонил ее к дереву, думаем – ясно, собрался встojаk жарить, только он штаны спустил, Флинт ему аккурат по жопе шариком из рогатки. Он как заорет от неожиданности! А девка ничего не поняла, не визгнула. Ну, мы ходу... Как подляна, Мить?

Подумав, Митя сказал наставительно, вполне серьезно:

– Хреновая подляна, брателло. Такую даже мусору делать нельзя. Начнешь девок жарить – сам поймешь. Поставь себя на его место. Раз он девку в лесу примостил – упасть им негде, хаты нет. Может, он ее месяц фаловал и первый раз за-

³¹ Лысые погоны – погоны рядового армии или милиции.

гнать ей собрался. И в самый интересный момент прилетает больно по жопе... Да от такого нестоячку заработать можно, как два пальца... Нет, так даже с мусорами нельзя. Должна быть мужская солидарность. Уловил?

– Ты б слышал, как он заблажил...

– Ты б так же заблажил, – сказал Митя с прежней суровостью. – Неаккуратно, брателло. Ладно, потом сам поймешь, какую херню спорол. – Он хмыкнул. – А вообще, интересно, чем там кончилось. Сомнительно мне, чтобы мусорок ей после такого все же загнал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.